

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 50

1981

Леонид ЖАРИКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ШАХТЕРСКИЕ ЗОРИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 50

Леонид ЖАРИКОВ

ШАХТЕРСКИЕ ЗОРИ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Леонид ЖАРИКОВ

Леонид Михайлович Жариков родился в 1911 году в Донецке. Отец его работал каменщиком на заводе Джона Юза. В 1920 году отец и мать умерли. Л. М. Жариков был беспризорным, затем воспитывался у родственников.

Л. М. Жариков работал на Донецком заводе учеником токаря, был сельским учителем в Днепропетровской области, окончил в г. Донецке театральный рабфак, учился в театральном институте имени Лысенко в Киеве, работал в театре, был репортером вечерней газеты.

Перед войной Л. М. Жариков учился в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. Тогда была написана и опубликована «Повесть о суровом друге», получившая широкую известность в нашей стране и за ее пределами.

Донбасс, героический труд донецких шахтеров — постоянная и неизменная тема творчества Л. М. Жарикова. Писатель награжден орденами и медалями, а также знаком «Шахтерская слава» 3-й степени.

ПЕСНЯ О ШАХТЕРАХ

*На донской земле привольной
Стоит рудник знаменит:
Возле Грушевки-деревни
Нашли уголь антрацит...*

От бескрайних сальских степей до среднего течения Дона, где стоят на берегах древней реки станицы Вешенская, Казанская, от Таганрога до Цимлянского моря раскинулась Ростовская область, донская земля, хлебно-виноградный край.

Но не одной золотозерной пшеницей, не одним искристым цимлянским вином или морскими рыбными промыслами богат этот край. Под его хлебными полями, под станицами и железными дорогами, в глубоких недрах лежат драгоценные пласты каменного угля.

Издавна привыкли называть Донбассом лишь те шахтерские поселки и города, которые очерчены границами Донецкой и Ворошиловоградской областей. Но Донбасс велик, и начинался он с берегов Дона. Именно здесь, в «балке Кундрючьей» да в «казацьем городе Быстрианске», были добыты первые пуды угля, и по указу царя Петра «делали кузнецы тем каменным одним угольем топоры и подковы новые». Именно здесь, у хутора Поповки, на месте которого вырос теперь большой горняцкий город Шахты, еще в начале девятнадцатого столетия, а точнее, в 1809 году, были открыты первые угольные копи колодезного типа. В такую шахту спускались в деревянной бадье с помощью ручного ворота. Через восемь лет здесь появилась шахта с конным приводом, а еще позднее — с паровой подъемной машиной. Добываемый уголь сплавляли в Ростов-на-Дону и Таганрог на плотах или лодках по реке Грушевке, которая в те далекие времена была судоходной. Кто знает, быть может, в те годы и родилась здесь горькая песня углекопов:

Шахтер в шахту спускается
С белым светом прощается:

«Прощай, прощай, белый свет Ворочуся или нет?»

Эта старинная песня давно звала меня на берега легендарной речки Грушевки, в ковыльные донские степи, откуда взял свое начало наш могучий Донбасс.

1. «Шолоховская-Южная»

Мой путь лежал на северо-восток, в трест «Богучаевуголь», где недавно вступила в строй новая шахта «Шолоховская-Южная». Еще в комбинате мне сказали, что молодой коллектив этой шахты за короткий срок работы сумел поднять добычу угля так высоко, что проектная мощность была достигнута на три года раньше срока. Это означало, что шахта работала в три раза быстрее, чем планировалось.

Подобный факт для журналиста — находка. И все же меня волновала другая подробность. Угольный пласт, который разрабатывался шахтой-новостройкой, имел необычное название — Шолоховский.

Из истории горного дела я знал, что угольные пласты получают названия по характеру пласта, по его геологической структуре, по местности, где уголь залегает. Известны также случаи, когда именovali в честь выдающегося деятеля, например, геолога Л. И. Лутугина, посвятившего горному делу всю свою жизнь. Почему же горняки, люди сурового труда, назвали свое подземное сокровище именем писателя? Эта мысль увлекла, я чувствовал, что иду по первопутку, и радость возможного открытия манила в дорогу.

В маркшейдерском отделе комбината «Ростовуголь» я получил исходные данные: пласт открыт еще в дореволюционное время геологами Лутугиным, Яворским и Погребовым, значился под индексом \mathcal{L}_2 и до самых последних лет не разрабатывался. Шахта «Шолоховская-Южная» названа по имени пласта, а откуда явилось название самого пласта, никто не знал. Впрочем, нашлись знатоки. Одни утверждали, что пласт назван именем геолога Шолохова, который будто бы имел отношение к поискам пласта. Другие уверяли, что в тех местах жил купец Шолохов, земли принадлежали ему, поэтому и пласт угля назван в его честь.

С такими сведениями я и отправился в дальнюю дорогу, к горнякам загадочной для меня и желанной шахты-новостройки.

В пути я думал: если мне удастся установить, что пласт назван именем писателя, если найду живых свидетелей, то это должны быть романтики, люди с провидческими сердцами. Хотя, говоря по совести, трудно отыскивать романтику в тяжелом шахтерском труде. Неузнаваемо изменился ныне труд шахтера, удивительные машины при-

шли на помощь человеку. Но неизменными остались и, наверное, никогда не исчезнут черты шахтерского характера: сила духа и героизм, чувство самоотверженности и взаимной выручки, умение переносить любые трудности. Но может быть, в этих качествах горняка, в его трудной славе и заключена красота и романтика!..

В тот год стояла теплая осень, и по былинной казачьей реке Дону величаво плыли самоходные баржи, оглашая берега протяжными гудками. В станицах собирали урожай винограда, а на степных дорогах золотились пучки соломы, оброненные с возов.

Степь. Я еще плохо знал Ростовскую область, но если бы спросили у меня, чем богат этот край, я бы ответил — ширью своей!

Минут через тридцать открылся с горы темно-синий Донец. К деревянному причалу неслышно подошел паром, и машины гулко, как на мост, въехали на него. Отражаясь в трепещущей воде, мы плыли к другому берегу, к домикам и курениям над рекой.

За хутором Богатым, где мы переправились, снова потянулись безбрежные просторы. Скоро показались в степи черные пирамиды — терриконы угольных шахт. Один из них, самый близкий и потому казавшийся самым высоким, стоял в окружении новеньких, покрашенных в розовый цвет надшахтных зданий.

Это и была «Шолоховская-Южная». Строения и копры шахты маячили вдаль, овеваемые степными ветрами.

Было то время утра, когда первая смена спустилась в шахту, а вторая еще не собиралась. В просторной нарядной было пусто. Заместитель парторга шахты Оноприенко предложил съездить к горнякам бригады Владимира Обуховского, боровшейся за звание коллектива коммунистического труда. Рабочие жили в поселке Шолоховском, километрах в двух от шахты.

Солнце приближалось к полудню. В длинных коридорах шахтерского общежития было безлюдно. Мы постучались в дверь, и, когда никто не откликнулся, сами вошли в полутемную от зашторенных окон большую комнату. Три кровати были аккуратно, по-солдатски застелены, а на четвертой кто-то спал, укрывшись с головой суконным одеялом. Уборщица общежития, пожилая женщина с добрым лицом, разбудила спящего:

— Ах, ты, жаль моя. Скоро второй наряд, а ты спишь!

Мускулистый загорелый паренек в трусах, в белой майке, сонно поводя глазами, пробормотал:

— Я говорил, треба було роспрягати...

— Распрягайся сам-то. — Уборщица с нежностью поглядела на шахтера и стала по-матерински заботливо застилать его постель.

Вожак бригады Обуховский был на курорте, и его замещал рабочий Василий Периг, тот, кого мы разбудили.

Через полчаса горняки молодой бригады, обмениваясь шутками и приветствиями, стали заполнять помещение красного уголка.

Как ни сложна натура человека, а добрый характер виден сразу. Таков Вася Периг, спокойный, тихий паренек, закарпатский лесоруб. В бригаде он самый молодой, хотя отслужил в армии. Я глядел на него и думал: с таким хорошо дружить — себя не пожалеет, а товарища выручит. Разве только мягковат был он по характеру и молчалив.

Зато разговорился главный механизатор бригады Михаил Зотов, потомственный донской казак. Он, по существу, вел всю беседу, успевая отвечать за себя и за товарищей и задавать свои вопросы. Чувствовалось, что он верховодит в бригаде.

Об истории пласта Шолоховского молодые шахтеры ничего не знали. Слышали, будто поселок раньше назывался Майским. Потом его переименовали по шахте, а шахта названа по пласту. Кто пласту дал наименование — неизвестно. Об этом могут рассказать старые горняки, которые помнят, что было до революции.

С горняцкой гвардией ветеранов мы встретились тотчас, как только возвратились на шахты. Старики пенсионеры откуда-то прослышали, что явился нужда в их совете, собрались и ждали нас. Они побрились, надели мундиры почетных шахтеров, ордена и медали.

Старейшина ветеранов Федор Максимович Штанько, проработавший под землей полвека, побывавший за долгую жизнь и в опасности и в славе, первым начал рассказ. Седые его други лишь изредка кивали головами, внимательно слушая товарища.

— До революции мы работали здесь на маленьких неглубоких шахтах, — рассказывал Штанько, — вон они, видны в степи за поселком Горняцким. О пласте Шолоховском мы в те времена и слыхом не слыхали. Здесь была голая степь, казаки хлеб сеяли. И только уже при Советской власти, примерно в году тридцать шестом, нам сказали геологи: здесь под хлебами лежит неизвестный пласт. Прошли мы пробную шахту и, когда спустились вглубь, так и ахнули: пласт два метра! Уголь — высший сорт, и пласт нетронутый, целехонький, настоящая угольная целина!.. Теперь мы на этом пласте вон какую шахту-красавицу воздвигли. И получилось: как писатель наш вскрыл пласты жизни, так и мы, шахтеры, поднимаем угольную целину...

— Значит, все-таки в честь писателя назван пласт?

— Только так... Никакого купца Шолохова мы не знали и геолога Шолохова тоже не было... Все это, как говорят на Украине, балачки, то есть разговоры впустую... Перед войной, когда были у нас в стране первые выборы в Верховный Совет, наш Майский поселковый Совет постановил назвать поселок, а значит, и пласт и будущую шахту именем нашего народного депутата Михаила Александровича Шолохова. Так и запишите...

Угольная целина! По следам всемирно известной шолоховской книги, отразившей целую эпоху в развитии нашей страны, и шла

история этого названия, оно родилось в народе само собой, как легенда.

Подходил к концу второй наряд. Горняки, получив рабочее задание, шли переодеваться в шахтерки. Нарядная опустела.

Облачились в спецовки и мы. Прежде чем спуститься в шахту, мы получили, как на войне перед боем, жестяные номерки, по которым нас записали в регистрационную книгу всех отправляющихся в шахту, и мы по бетонным ступеням поднялись на подъемную площадку. Тяжелая, мокрая от подпочвенных вод, железная клеть, повисшая на стальном витом канате, с «ветерком» доставила нас на глубину пятисот метров.

Под землей, на рудничном дворе, было зорьно от электрических огней. Вдоль бетонированных стен туннеля уходили к дальним выработкам черные жилы электрического кабеля.

К угольной лаве мы подошли неожиданно: штрек еще продолжался и уходил во тьму, а в том месте, где остановились мы, была прислонена к стене небольшая деревянная лестница.

— Вот и лава, — сказал Штанько, поднялся по ступенькам и скрылся в темной дыре.

Мы последовали за инженером. Угольная лава поднималась круто вверх. Мы карабкались точно на гору, скользя по гладкому сырому каменному склону. Над нашими головами покато нависла черная кровля, косо подпертая раздвижными металлическими стойками. Чтобы облегчить себе подъем, приходилось держаться за стойки, а потом упираться в них ногой и лезть выше. Очень мешали аккумулятор и сумка самоспасателя, но без них в шахте нельзя. Лампа — первый друг горняка. Я пробовал в шахте спрятать аккумулятор под полую куртки, и меня охватывала немислимая, жуткая тьма и ни с чем не сравнимая, оглушающая тишина, и я спешил открыть свою лампу — с огоньком пройдешь сквозь любую тьму.

Угольная лава — сплющенное ущелье, где, чуть подними голову, стукнешься каской о кровлю, — это и был шахтерский забой. Забой — даже в самом слове слышится мужество боя!

Но вот и сам он, матово поблескивающий в желтом луче лампы, Шолоховский пласт.

Много видел я в Донбассе угольных пластов — пологих, наклонных и крутых, стоящих в недрах отвесно, забитых породой или таких тонких, что с трудом протиснешься между кровлей и почвой, но такого пласта, каким был Шолоховский, я не встречал. Главное его достоинство — коксующийся уголь. Как и породы, стиснувшие пласт, он поднимался круто вверх. Свет наших ламп переливался на изломах угля золотыми блестками, и чудилась в этом сверкании быстрая

донская струя, играющая под солнцем. Иногда, если чуть повернуть лампу иначе, виделся лунный отсвет в мерцании кусочков угля. Да, это была целина, могучая энергия, спрятанная матерью-природой в глубоких подземных тайниках.

Инженер Штанько влюбленно погладил пласт рукой и сказал мечтательно, с гордостью:

— Вот он, наш донской черный алмаз!

Мы шли вдогонку за комбайном и, когда с трудом подобрались к тому месту, где он работал, не могли рассмотреть машину в густом облаке угольной пыли. Только ревел мотор, и черные брызги угля и его глыбы с грохотом катились по отполированному до блеска железному руслу. Лучи наших ламп со всех сторон пронизывали черную пелену. И вот мелькнула раз и другой работающая машина. Комбайн бил клеваками в угольный пласт и подвигался вверх, пульсируя, точно был живым сердцем...

Рабочие крепили за комбайном выработанное пространство. Лица у всех были непроглядно черными. И все же я узнал веселого машиниста Зотова. Потом по рыжеватой шевелюре, видной из-под каски, разглядел бригадира Васю Перига. Острием обушка он долбил лунку в каменной почве, чтобы установить очередную стойку крепления. Анатолий Мурмилов двумя руками подтаскивал другую стойку. Было тяжело, и он время от времени останавливался и вытирал пот рукавом куртки.

Комбайн упрямо и сильно продвигался вперед, и, когда зубки натыкались на прослойку крепчайшего колчедана, машина дрожала всем своим корпусом и мотор завывал точно от боли.

Вася Периг наклонился ко мне и, приветливо улыбаясь во все черномазое лицо, прокричал:

— Гудит шар земной!

Снизу кто-то поспигнал лампой из стороны в сторону, точно перечеркивал темноту. Комбайн остановился: наверное, опять под люками нет порожняка. Теперь машина будет ожидать, пока электровоз подаст очередную партию вагонеток.

Вынужденный простой — какой это бич в работе!

Горняки собрались в лаве в одном месте. Разговор не клеился — не время было для разговоров.

— Пласт у нас хороший, но вначале встретил нас сердито. Помнишь, Василь? Уголь оказался вязким, рвались канаты. Бывало, включу самую малую скорость, и стальной канат лопался, как гнилая нитка.

Уголь «вязкий» — как образно сказано! Я легко представил себе напряженные стальные мускулы машины, до последней степени уставшие, с трудом преодолевающие «упругость» пласта.

Горняки стали рассказывать, как однажды природа преподнес-

ла сюрприз — пласт угля из наклонного стал положим, и пришлось лопатами вручную перегружать уголь на транспортеры.

— Было такое дело,— сказал Ваня Кучерявый.— Хоть плачь, хоть смейся, а бери в руки лопату, становись на коленки и, как говорится, бери больше — кидай дальше... Обидно очень, но в таких условиях и техника перед лопатой в долгу...

— Главное, не сдались,— сказал Вася Периг.— Никак нельзя было сдаваться, пласт ведь Шолоховский! Его не случайно так называли. Глянь-ка.— И он осветил забой своей лампой, яркий луч полыхнул по стене угля, и он засверкал, засветился блестками на гранях.

— А сам Шолохов, интересно, был в шахте?— спросил Толя Мурмилов, паренек развитый и любознательный.

— Не в том дело: был или не был,— ответил инженер Штанько и оригинальную: горняцкий и писательский труд — родственные, тот и другой требуют огромной самоотдачи и терпения, выносливости и самоотверженности, как требует того всякий творческий труд вообще.

— Наверно, сравнение это условно,— возразил Ваня Кучерявый.— Шолохов создал бессмертные книги, а наш уголек сгорит, и один пепел останется.

Штанько не согласился:

— Если бы здесь был сам Михаил Александрович, он бы тебя поправил, потому что творческий подход поднимает любой труд до искусства.— Штанько зачерпнул горсть угля, будто взвешивал на ладони глубокий смысл и добро, заключенные в богатства земных недр.— И вообще если мыслить смело, то уголь — сам произведение и сам творец, потому что именно он создает машины и ракеты, спутники и луноходы. Все эти дива — творение нашего уголька.

— Вася, признавайся: не ты запускал первую ракету на Луну?— подшучивал над товарищем Толя Мурмилов.— Ты ведь служил в дальнобойной артиллерии.

— Хочешь выведать военную тайну?— отпаривал Периг.

Шахтеры, смеясь, переговаривались, и пока шел их веселый разговор, я с радостью думал: как теперь зрело мыслят горняки, покорители земных глубин! Да, шахтерский труд ближе всех стоит к творчеству. Рабочее место под землей находится в постоянном движении, и там всегда все ново, неожиданно, и сколько ни планируй работу, природа то и дело вносит свои поправки, часто трагические. И надо срочно искать решение, иначе подпочвенные воды, внезапно прорвавшиеся в лаву, затопят ее, или выбросом угля ломает крепь в забое и загазирует метаном выработки так, что возникнет опасность подземного взрыва. Все это было и всегда будет в шахте, несмотря на великолепную технику, на первоклассные машины, помогающие в работе горнякам.

Далеко в нижней части лавы кто-то посигналил огоньком лампы, только на этот раз по вертикали, как бы кивая согласно.

— Наконец-то прислали порожняк.

— Прислали... А что мы будем в него грузить — наши разговоры?

— Ладно... Пускай, Миша!

Комбайн могуче взревел, точно обрадовался, что кончился простой, и хрустящие куски угля посыпались с откоса к нижним люкам. Выбраться из лавы было куда проще: гуськом присели на корточки и съехали прямо в штрек, на рельсы.

Четыре сигнала — «качать людей», и клеть понесла нас на-гора.

Глаза, отвыкшие от дневного света, ломило. Хорошо было в озаренной угасающим солнцем степи, и воздух здесь казался вкусным и манили подернутые дымкой уходящего дня необозримые просторы, а я все еще находился в шахте, не мог освободиться от впечатлений встречи со скромными героями, дружбой с которыми буду теперь гордиться.

Солнце скрылось, когда мы, возвращаясь с «Шолоховской-Южной», миновали знаменитую в этих краях станцию Грачи, откуда начали свой героический поход красные казаки Подтелкова и Кривошлыкова.

Через Донец можно было переправиться ниже хутора Богатого, у станицы Краснодонецкой.

Мы подъехали к ней в легких сумерках. В Краснодонецкой много типичных казачьих куреней с просторными дворами, или, как говорят на Дону, базами.

К реке шел крутой спуск по мощенной булыжником пыльной мостовой. На противоположном берегу Донца маячили высокие горы угля, черная от угольной пыли эстакада для погрузки. Донбасский «пейзаж» казался в этих исконно казачьих местах неожиданным и необычным. Это был порт на Донце, откуда краснодонецкие шахтеры отправляли добытый уголь.

Деревянный причал был пустынным, паром находился на том берегу.

Чудесная предвечерняя тишина стояла над просторами многоводной, древней и величавой реки. Прибрежная отвесная скала, редкие деревья картинно отражались в румяно-розовой воде, такой тихой, что, казалось, упади на нее легкий лист, и разойдутся круги. Где-то слышался людской говор. Галка, ища ночлега, бесшумно пролетела над ними и скрылась за домами. Высоко в небе виднелся бледный месяц. Золотое одинокое отражение его покоилось в глубине реки.

Паром неслышно, точно крадучись, приблизился к берегу.

Пошел черед нашей машине въехать на опустевший паром. Старичок паромщик поднял над головой шахтерскую лампу и по-

сигналил ей на противоположный берег. Как видно, там была лебедка и паромщик подавал знак включать мотор.

Плыли по вечернему Донцу плавно, лишь плескался в тихой воде стальной трос. Берег медленно приближался, паром мягко толкнулся о деревянную стену причала, где по-хозяйски были прибиты для смягчения удара старые автомобильные покрышки.

— Спасибо за плавание, отец.

— В добрый час.

Мы съехали на берег и, не останавливаясь, продолжали подниматься вверх мимо угольных терриконов, насыпанных на самом берегу.

Уже в темноте с высокого места мы увидели огни станицы Краснодонской. Огни мерцали в темноте сплошным звездным скопищем.

Где-то в степи в полной темноте мы миновали речку Кундрючью, на берегах которой еще при Петре рудознатец Григорий Капустин накопал первые три пуда угля «чинить пробу». Может быть, как раз там, где мигали огни краснодонских шахт.

...Огни, огни. Много их зажглось в степи вокруг «Шолоховской-Южной», в поселке и недалеко от него, где вступала в строй еще одна шахта, родная сестра «Шолоховской-Южной» — «Шолоховская-Северная».

2. Три богатыря

Мы вернулись из Богурьевки ночью и сразу же завалились спать: утром предстояла поездка в казачьи станицы нижнего Дона — Кочетовскую, Раздорскую. Эти станицы ближе других расположены к горняцкому центру — городу Шахты. Здесь тоже разведаны пласты, правда, глубокого погружения и с обилием подпочвенных вод: «уголь с водичкой», как говорят геологи.

Волновала и другая цель поездки: побывать на легендарном тихом Дону и, может быть, своими глазами увидеть живых шолоховских героев: Мишутку и Григория Мелеховых, красавицу Аксинью, веселого деда Щукаря и Семена Давыдова, которому теперь уже «отпели донские соловьи... отщептала поспевающая пшеница, отзвене-ла по камням безымянная речка, текшая откуда-то с верховьев Гремячьего буерака».

Еще не было восьми утра, когда наш вездеход бойко мчал нас на своих высоких колесах, мирно гудя мотором, увертливо объезжая рытвины и бодро встряхиваясь на неровностях дороги. Путь лежал на юго-восток, к порту Усть-Донецкому, которого еще не было на карте.

В степи по-осеннему просторно. От горизонта до горизонта раскинулась она, точно море.

— Едем по углю, — сказал мой спутник, инженер Александр Петрович Пономарев, старожил и знаток Ростовского края.

Наш шофер Вася, хозяин дорог и ценитель поэзии, поддержал разговор об угле и очень кстати прочитал запомнившиеся ему строки из стихотворения шахтерского поэта Павла Беспощадного:

И стремится к террикону террикон,
Будто хочет перейти за тихий Дон...
Словно чует там несметные пласты
Жаркой силы и чудесной красоты!

Невольно вспомнились мне страницы одной замечательной старой книги, написанной в конце прошлого века, когда еще бурлаки тянули по Дону баржи. Книга «Статистическое описание Области Войска Донского» написана С. Номикозовым. Я нашел ее случайно в библиотеке Новочеркасского краеведческого музея. Исследователь, влюбленный в свой край, сравнивает каменный уголь со сказочным богатырем, которому некуда приложить силушку. С точки зрения исторической некоторые страницы этой книги показались мне настолько любопытными, что я переписал их в тетрадь. Вот они:

«...Донской черный алмаз, как сказочный богатырь, спал много лет непробудным сном. Великий Петр открыл богатыря, и с мановения державной руки богатырь проснулся, зашевелился и в последнее время стал всматриваться, куда бы ему свой путь направить: в старую ли Москву, туда ли, где прорублено окно в Европу, в красавицу ли Одессу... на фабричный ли запад России или на матушку Волгу-реку? Но Москва думает долгую думу, жалуется на истребление лесов, а донского богатыря принимает далеко не радушно. В окне Петра стоит англичанин со своим коксом и нью-кастельским углем, в Одессу минеральное топливо из разных стран привозится в виде балласта, на страже западной границы стоит хитроумный силезец, а на Волге, хотя цена на дрова и жжется, но самые дрова тем не менее жгутся немилосердно, что ж остается донскому черному алмазу? Киев и Харьков...

Придет пора (и если бы только скорее пришла, желанная), когда Донская железная дорога будет проложена до Волги и донской уголь вытеснит оттуда всякое другое топливо, придет пора, когда он в силах будет соперничать с иностранным углем и в Одессе и в Санкт-Петербурге. Но поистине блестящая будущность предстоит донскому минеральному топливу только с развитием его местного потребления...

Будущее всецело находится в руках казака — горнопромышленника и горнорабочего. Все остальные отрасли промышленности призваны будут играть на Дону роль подчиненного горным промыслам.

Стук первого молота — приятный стук. Свист и грохот паровых машин, лязг железных изделий и клубами вылетающий густой дым из

многочисленных труб фабрик и заводов, основанных на минеральном топливе,— такова наша надежда...»

Нам сегодня трудно представить, что было время, когда люди в нашей стране мечтали о... «железной дороге до Волги», что «Санкт-Петербург и Москва» нерадушно принимали «донского богатыря» — каменный уголь. Чувство гордости и удивления испытываешь при мысли: какой исполинский шаг сделала наша страна от «стука первого молота» до полетов ракет на Луну и Венеру, в межзвездные дали!..

В поисках дороги к порту Усть-Донецкому мы заехали в безымянный степной хуторок в бассейне Дона. Девушка-казачка, ровесница меликовской Дуняшке, вынесла нам кружку холодной ключевой воды. Лицо у девушки было закрыто белым платком, лишь виднелись щелки глаз (чтобы не загореть!). Руки у казачки были тонкие, лебединые, в засохших крапинках известки: семья строила дом — большой, каменный, с просторной стеклянной верандой. Сразу же за домом шли заросли кукурузы — ни конца, ни края не было видно полю.

Скоро въехали в станицу Кочетовскую со стороны займища, мимо хворостяных плетней с осенними садами и виноградниками. Под стрехами домов кое-где висели гирлянды кукурузных початков, сушился на веревках перец. На улице, заросшей травой, мирно бродили куры. Собачонка, дремавшая в тени забора, при виде машины проткрыла один глаз, подняла ухо, но, не в силах преодолеть сладкую дрему, опять опустила ухо и прикрыла глаз.

Из-за угла показалась чья-то «победа», посигналила и, подняв за собой шлейф пыли, скрылась в одной из улиц.

Встретился нам станичник, должно быть, тракторист или механик. Одежда на нем блестела от машинного масла. Он нес под мышкой буханку такого белоснежного и вкусного на вид хлеба, что мы сразу вспомнили, что, выезжая утром, не успели подкрепиться перед дорогой. Поэтому наш вопрос, где можно купить такой аппетитный хлеб, не был праздным.

— Хлеб в кооперации, зараз тут, за углом. А к Дону проехать просто, за тем вон базом направо.

В продовольственном магазине станицы, где можно было купить гармошку и отрез на платье, хлеб и новую патефонную пластинку и где за прилавком стояла круглолицая казачка с бойкими глазами и могучим венцом кос вокруг головы, мы добыли душистую, почти невесомую буханку белого хлеба. По совету казачки прикупили в совхозе четыре полосатых кавуна и с этим благодатным грузом отправились «испить шеломом Дону».

Тихий Дон! Он открылся нам за старыми вербами — широкий, в самом деле тихий и светлоструйный, с золотыми песчаными плесами вдали, с острогрудыми лодками на берегу. Река быстро катила

сверкающие под солнцем воды, и почему-то вспомнился вдруг Шолоховский пласт, мерцание угля на изломах. Это серебряное мерцание выдилось теперь в бликах на воде. «Здравствуй, батюшка, Тихий Дон!»

Что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют.
Посередь меня, тиха Дона, белорыбица мутит.

Под старыми высокими вербами шофер Вася развернул машину. Мы достали кавуны, нарезали крупными ломтями высокий, воздушный донской хлеб и, расстелив на высохшей траве газетку, принялись за походный завтрак.

На берег с шумом накатывались волны. После них оставались на мокром песке пучки соломы, арбузные корки. Станичные гуси, пришедшие к Дону пожить чем-нибудь, тут же набрасывались на любимое лакомство.

Сочные кочетовские арбузы привлекли назойливых ос. Мы яростно отмахивались от них, но осы наседали.

Все здесь, на берегу Дона, казалось необычным, все волновало. Невдалеке, у самой воды, старый казак чинил рыбацью лодку. Разговор завязался сам собой.

— На рыбалку готовитесь, дедушка?

Старик сбил на затылок полинявший картуз, вытер рукавом лоб.

— Надо починить, обещал племянник приехать в отпуск.

— Издалека?

— В Шахтах проходчиком работает.

— А что, рыба в Доне не перевелась?

Старый казак посмотрел в речную даль и ответил с огорчением:

— Конечно, не то, что раньше. В старину здесь саженных осетров ловили, а стерляди и разной белой рыбы в реке, как в хорошей ухе, когда ложкой не провернешь. Перегородили Дон, дорогу рыбе закрыли, осталась мелюзга.

— Говорят, Михаил Александрович — хороший рыбак, бывает он в Кочетовской?

— Как же! Шолохов — человек наш, с народом живет. Приедет — со всеми поручается. А рыбак он знаменитый, это верно.

За станицей Кочетовской на огромном, похожем на аэродром займище, где и в самом деле стоял самолет «кукурузник», трава еще зеленела, и дорога змеилась вдоль правого берега Дона.

Сказочным богатырем назвал исследователь Донецкого края С. Номикозов каменный уголь. Богатырь-уголь преобразил Ростовскую степь, благо было где разгуляться его могучей силе. Но вот появились у него соратники: под Миллеровом обнаружена нефть.

Давно горят в донской степи факелы природного газа. Уголь, нефть и газ — вот какие три богатыря вышли ныне в степь Ростовскую! Газ — самый молодой из них, и ему принадлежит будущее.

Привольная, урожайная и на хлеб и на уголь донская земля принимает новую красоту — красоту индустриального края. Это голос времени, характер нового века.

ЗВЕЗДЫ НАД МИУСОМ

*А может, они из легенды пришли —
Шахтерские звезды донецкой земли.*

В. Шутов

В донецкой степи, за курганами и туманами, за глубокими балками, виден в синей дали гигантский бетонный шлагбаум. От реки ведет на вершину белокаменная лестница. Она поднимается к самому шлагбауму, который снизу кажется маленьким, похожим на детскую колыбель, оставленную кем-то на гребне Донецкого кряжа.

На безымянной высоте воздвигнут монумент в память о беспримерном героизме шахтерских дивизий, которые стояли здесь, удерживая линию фронта в течение 255 дней! Камни стонали, объятые огнем и громом, и кровь лилась, обагрив воды Миуса. Горняки стояли насмерть. Не случайно Гитлер отдал в те дни приказ — моряков и шахтеров в плен не брать!

Медленно и молча поднимаются люди по ступенькам лестницы к вершине, где лишь ветры гуляют да плывут в голубом небе облака. Из-под земли доносится торжественно величавая мелодия и слышен голос, вызывающий, как на поверке, фамилии погибших шахтеров: «Нина Гнилицкая... Кравченко... Костя Огневой... Нечипуренко... два брата Полуэктовы... Спартак Железный...» — шла перекличка бессмертия. И сквозь скорбные звуки реквиема можно было расслышать голос матери, ищущей убитого сына: «Отзовись, моя надежда, зернышко мое, зорюшка моя, горюшко мое. Не могу найти дороженьки, чтоб заплакать над могилой».

Люди, сняв шапки, поднимаются к вершине. По обе стороны лестницы, на склонах горы, цветет лиловыми огоньками клевер, желтеют одуванчики. И сквозь звуки музыки, сквозь страстный материнский зов слышна песнь жаворонка. Мерцаая крылышками, он трепещет над зеленым откосом горы, и песня его, как вечная песня жизни...

Но вот и безымянная высота. Тяжело улегся на две мощные опоры бетонный брус шлагбаума. Своим суровым видом он олицетворяет

неприступность: здесь остановили врага. На бетоне барельефом изображены лица воинов, они крепко держат в руках винтовки. Вечный огонь горит у серых каменных плит, напоминающих шахтерский штрек и одновременно грозный дот.

Ни камню скорби, ни камню славы
Не заменить погибшего солдата,
Да будет вечной о героях память,
Да будет вечен свет над терриконом!

С вершины горы открывается неоглядный простор.

Люди на вершине замолкли в глубококом волнении. И лишь доносится невесть откуда голос, отмеченный печалью воспоминаний:

— Оглянись вокруг, товарищ! Вот он, шахтерский наш край, голубые терриконы окрест... Они сложены руками наших отцов, чьи имена слушал ты, поднимаясь по лестнице... Ты стоишь на местах боев, товарищ! Может быть, на этом каменистом откосе был окоп твоего и моего отца...

Далеко внизу течет речка Миус. Ее русло очерчено грядой плакучих верб. И чуть повыше на пологом склоне раскинулся цветущий сад. Он посажен в память о погибших шахтерах. Деревья стоят стройными рядами, точно батальоны, и кажется: не было им ни конца, ни края.

— Сколько крови шахтерской пролито за эту красоту, за нашу с тобой жизнь, товарищ! Вот и выходит, что мы перед ними в ответе... За каждый свой день, за каждый свой шаг в ответе!..

Невидимый голос продолжал взволнованную повесть. Простые душевные слова западали в сердце. Впечатление дополнял вид неоглядной степи, затянутае синевой каменные волны Донецкого кряжа. Это сын рассказывал о своем отце, звучал голос того, кто сегодня продолжает жизнь на земле. И не простым интересом было для меня, а неодолимой потребностью души встретиться с шахтерским сыном, узнать его в лицо, пожать надежную, крепкую руку.

Шахта «Новопавловская» находится на окраине горняцкого города Красный Луч, по соседству с легендарной линией Миус-фронта. Шахта возвышается в степи двумя копрами, точно двухтрубный корабль в открытом море. Два ее террикона, как братья-близнецы, стоят плечом к плечу. А вокруг шелестит листвою молодой сад, и веет со степных просторов ветерок, пахнущий полынью.

На всю страну славилась шахта «Новопавловская» высокими рекордами. Этим она была обязана бригаде Героя Социалистического Труда Иванченко. Опытный и талантливый горняк сумел сплотить рабочих в дружную семью. У них был закон: никогда не останавливаться на достигнутом, идти вперед и вперед. Иванченко, работая в шахте, учился в горном институте. Вскоре он защитил диплом инженера и перешел на руководящую работу в трест.

Надо было передать знамя бригады новому преемнику. Выбор пал на комсомольца Сашу Силкина, комсорга шахты. Новый бригадир был молод и горяч, горняки знали его решительный характер и деловитость. Однако рабочие помалкивали: доверие бригады еще надо было завоевать. Впрочем, бригадир знал это лучше других.

Он начал с того, что предложил бригаде смелую мысль: внедрить на наклонном пласте новый угледобывающий комплекс КМ 87 с гидравлической крепью. Комплекс этот уже завоевал себе славу и получил в среде шахтеров название «железная лава». Но еще никто не пытался применить такую сложную технику на пластах наклонного залегания, с падением выше 35 градусов. В таких лавах все находится как бы на весу: и комбайн, и люди, и сам угольный пласт. Многие сомневались: как поведет себя в таких условиях гидравлическая крепь? Ведь ее стойки будут передвигаться к забою не вручную, как раньше, а механически, как бы сами собой. Будет ли устойчивой крепь в наклонном положении? Ведь массивные стойки крепи тяжелы сами по себе да еще увенчаны стальными «козырьками», которые подхватывают кровлю и держат ее на своих плечах.

Риск был немалый, но идея захватила всех. Дали же слово себе — идти дальше, добиваться новых успехов. И Саша Силкин поехал в Дружковку на тот завод, где создавались комплексы. Мало было надежды получить новую технику: такие работы планируются заранее. Но Саша был опытным комсомольским вожаком и знал, как надо действовать.

В тот день дружковские комсомольцы собрались на свою конференцию. Этим и воспользовался шахтерский посланец. Силкин попросил слова и выступил перед комсомольцами завода. Он рассказал откровенно, как трудно в тесном забое передвигать на руках тяжелые тумбы крепления. Каждая тумба весит четверть тонны, а в угольной лаве их не менее пятисот! «Помогите нам, товарищи, облегчите горняцкий труд!» — такими словами закончил Саша свое обращение. Комсомольцы были взволнованы искренними словами горняка и дружно проголосовали — построить комплекс для шахтеров из экономленнных материалов сверх плана и не считаться со временем.

Радостную весть привез Саша в бригаду. Решили: пока комплекс изготавливается, не терять времени зря, изучать его узлы и детали на месте, в заводских цехах. Для этого они по очереди ездили в Дружковку, используя выходные дни.

Наконец прибыли в вагонах первые детали комплекса. Своими руками горняки спускали их в шахту, сами собирали под землей, сами монтировали в лаве сложную гидравлическую крепь.

Первое время не все ладилось. Условия шахты требовали замены многих заводских деталей. Их приходилось переделывать самим. Но, как говорится, нет худа без добра, и, пока собирали комплекс, горняки

становились механиками. Конструкция изменялась, приспособляясь к характеру лавы, вживаясь в нее. Но и добыча тем временем падала. Передовая бригада оказалась в числе отстающих, тянула назад всю шахту. Пришлось выслушивать упреки и даже насмешки. Но отступить было поздно да и не в характере этих людей. Они верили в успех и знали, что рано или поздно сдержат слово, данное заводским комсомольцам, — быстро освоить новую технику.

Нелегко далась победа, но она пришла. Шахтеры доказали, что новый комплекс может работать на наклонных пластах. Щедро поплыл на-гора силкинский уголь. Пласт «Стекланный» словно ожил — заблестел, засверкал глыбами угля. Высока цена горняцкого слова!

Прошло полгода, и бригада Силкина вернула угольный долг стране, накопился даже запас сверхплановой добычи. Горняки шутили: «Это у нас, как в сберкассе».

Вскоре начались рекорды. Сначала добыли семьдесят пять тысяч тонн в месяц. Потом восемьдесят. Восемьдесят пять! Для таких маломощных и трудных пластов, как «Стекланный», это было большим достижением.

Шахта «Новопавловская» была награждена орденом Трудового Красного Знамени. На фасаде главного здания, точно на груди бывшего воина, появилось изображение ордена. Бригаде Силкина была присуждена премия Ленинского комсомола, а самого бригадира избрали в Центральный Комитет ВЛКСМ.

Министр угольной промышленности Украины пригласил бригаду к себе. На заседании коллегии силкинцы впервые встретились с конструктором комплекса и комбайна. Радостно пожимая руки шахтерам, он поздравил их с выдающейся трудовой победой и в своем выступлении сказал:

— Признаться откровенно, то мы, конструкторы, только мечтали, чтобы наш комбайн достиг добычи пятидесяти тысяч тонн в месяц. А бригада Силкина порадовала и удивила нас: они дали восемьдесят пять тысяч тонн. Спасибо вам, товарищи!

Не спеша на трибуну поднялся Саша Силкин. Он с улыбкой оглядел собравшихся и, обращаясь к конструкторам, сказал:

— А мы ломали головы, думали, кому сказать спасибо за хорошую машину? Теперь знаем, кому... Но, позвольте спросить вас, дорогие товарищи конструкторы, почему вы так робко мечтаете? Что это за мечта, если ее обгоняет жизнь? Мы, к примеру, мечтаем уже о ста тысячах тонн добычи в месяц и даже больше. Вот и давайте думать вместе, чтобы мечта шла впереди, чтобы мечта звала нас и увлекала.

Шахтеры бригады сидели в рядах и улыбались — уж очень хорошо говорил их бригадир.

Тепло отнесся к словам Силкина и министр. Он поддержал бригадира и тоже обратился к конструкторам — пусть поучатся инженеры у горняков.

— Ваше «спасибо», товарищи конструкторы, действительно прозвучало несколько странно. Рабочие бригады Силкина не просто добывали уголь, они испытывали ваш комплекс, вносили поправки в его конструкцию. А вы узнали об этих поправках только здесь, на коллегии министерства. Если бы вы спустились в забой, почаще бывали в шахте во время испытаний да помогли рабочим доводить свою же машину, было бы куда лучше... Запомните, товарищи: сегодняшние рабочие не просто исполнители. Они творцы всего нового и лишь по скромности относятся к своему творческому труду как к долгу. Но вы посмотрите: сколько ума, смекалки, а то и просто открытий, в предложениях рабочих. Об этом никогда нельзя забывать.

Мне говорили, что после заседания коллегии конструкторы вместе с бригадой отправились на «Новопавловскую», и от возникшей дружбы дело пошло веселее. Тогда же рабочие бригады вместе с инженерами ездили на Миус-фронт и своими руками сажали деревья в том «фронтовом» саду, который разбили шахтеры в память о славных защитниках Миус-фронта.

Такова была предыстория трудовых подвигов замечательной горняцкой бригады. Вот почему, слушая радиорассказ у шлагбаума на Миусе, я думал о Саше Силкине. Он и был тем сыном шахтерским, кто продолжал сегодня дело отцов. Ведь отец Саши отдал жизнь за Родину...

Вскоре судьба свела меня с Силкиным.

В шахтерский край съехались писатели с разных концов страны. Во Дворце культуры горняцкого города Красный Луч шла читательская конференция. Огромный зрительный зал был переполнен. Шахтеры, точно боевые ветераны, поблескивая наградами, сидели на почетных местах. На суровых лицах были заметны синеватые вкрапины — вечные следы от угольной пыли. Писатели с уважением поглядывали на горняков: что скажут о литературе те, для кого она создается? Суд читателя — голос жизни. И нет ничего выше, чем сознание, что твой труд достоин этих героев...

И тогда-то обратился к писателям молодой горняк. На нем была форма почетного шахтера, а на груди — три звезды, три знака «Шахтерской славы». Саша Силкин говорил искренне и убежденно:

...— Мы гордимся нашими писателями, певцами жизни народной. И спасибо вам за ваш тоже нелегкий труд. Жаль только, что мало книг о шахтерах. Почему? Может быть, шахтерская тема трудна? Но в забое и не легче. Иной раз пока доберешься до уголька — тысячи тонн пустой породы перекидаешь, как и в вашем деле, о чем Маяковский сказал: «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Нам, шахтерам, трудно жить без книги. Легче

работать, когда читаешь произведение, берущее за душу и поднимающее на трудовые свершения. Мы просим вас, товарищи писатели, создайте произведения, где были бы кровь, труд, радость, дела и мысли наши. Окрылите нас словом поддержки, разделите с нами нелегкий наш труд.

Слушая Силкина, я уже твердо знал, что поеду к нему на шахту, непременно побываю в забоях «Новопавловской». И с того дня ждал встречи с прославленной бригадой. Сам не знаю почему, но предстоящая встреча рисовалась мне в самых светлых, я бы сказал, в розовых красках. Хотелось думать: спущусь в забой и увижу лицом к лицу «железную лаву», увижу, как грызет стальными зубьями угольный пласт горный комбайн, как стоит несокрушимой стеной гидравлическая крепь могучего комплекса и плывет на-гора́ черное золото — золото высочайшей пробы...

Так думал я, но жизнь распорядилась по-своему.

Директор шахты «Новопавловская», по-молодому громкоголосый и энергичный, сердито разговаривал с кем-то по телефону. Молча он указал мне глазами на свободный стул, а сам продолжал разговор:

— Позови к телефону Фостия... Владимир Дмитриевич, привет. Ты мне не объяснишь: почему третью смену подряд сидишь в лаве? Что значит «все так решили»? Вот напущу на вас охрану труда... Немедленно выезжай вместе с Силкиным на-гора́, иначе спущусь в шахту с нарядом милиции. Чего смеешься?..

Невеселый юмор директора вскоре объяснился. На четвертом участке, где работает бригада Силкина, произошла авария.

— Природа вносит свои поправки, а их, к сожалению, не предусмотреть никакими планами.— Директор повел пальцем по схеме горных разработок, желая наглядно объяснить, где и какая случилась неприятность, но раздумал и сказал просто:

— Разбушевались недра... Правда, мы уголек даем, но маловато. Конечно, хотелось бы... Впрочем, как говорит пословица, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поехали в шахту...

Мы вышли на волю. Дождик, моросивший с утра, перестал, и выглянуло солнце. В небе плыли белые облака, и там, кажется, под самыми облаками, на копрах шахты кружились подъемные колеса.

Мы направились в душевую. Первая смена давно спустилась в шахту, и в коридорах было безлюдно.

Мы переоделись в шахтерскую спецодежду, пристегнули к поясу аккумуляторы, надели через голову самоспасатель, получили по два жестяных номера — пропуск в земные недра — и поспешили к подъему. Скоро тяжелая клеть вынырнула из-под земли и осторожно опустилась на тормоза. Рукоятница, молодая женщина, повязанная поверх каски платком, отобрала у нас номерки, отодвинула решетку,

и мы вошли в клеть. Послышались четыре сигнала «качать людей», клеть приподнялась и плавно пошла вниз. Промелькнули огни первого горизонта, второго. На глубине 530 метров клеть затормозила, и мы вышли на узкие рельсовые пути, по которым электровоз, осторожно пятясь, подавал к стволу вереницу трехтонных вагонеток. Квершлаг — главная транспортная магистраль шахты — был просторным и светлым, горели на стенах люминесцентные светильники.

Пройдя километра два по коренному штреку, мы приблизились к угольной лаве четвертого участка.

Под люком стояли пустые вагонетки. Директор помрачнел еще больше: лава не работала.

Пружинисто он вскочил на край вагонетки. С нее поднялся к узкому людскому ходку и скрылся в нем. Это была небольшая выработка, пробитая вверх. Лучи наших светильников пронизывали тьму, далеко освещая низкий ходок. Откуда-то сверху доносились голоса, потом замелькали далекие огоньки.

Скоро мы оказались на вспомогательном штреке. Он был меньшего сечения, чем коренной, и закреплен деревянными стойками. По этой выработке был проложен транспортер, по которому поступает уголь из лавы. Лента транспортера была доверху нагружена углем, но черная река не двигалась.

— Почему не качаете уголь? — спросил директор у моториста, который разговаривал с кем-то по селекторному аппарату, но, увидев начальство, дал отбой.

— Ведущую цепь заело... Уже час стоим, не могут ребята наладить.

— Сколько выдали с утра?

— Сорок вагонов.

— Эх вы, крохоборы...

— Наверстаем, Евгений Осипович. За нами не пропадет. На том стоим.

— Вот именно стоите. А надо работать... Где Фостий?

— Завтракает... — И рабочий указал в темную даль штрека, куда были направлены лучи наших ламп. Но там никого не было видно, и лишь поблескивал металлическими частями остановившийся конвейер. Мы направились туда. Двое слесарей, орудия ключами, старались устранить поломку. Один из них лежал на транспортере, другой взобрался под став конвейера — только ноги были видны.

— Что у вас случилось? — Директор шахты нагнулся и сам полез под транспортер. Подсвечивая себе лампочкой, он старался рассмотреть, где заклинило цепь конвейера.

— Тут у вас все пространство породой забито. Выбрать надо, очистить весь транспортер.

— На это три дня уйдет, время жалко. Да и породу придется в касках носить до ходка...

— Думайте. На то вы и передовая бригада... Где начальник участка?

— Под лавой.

Мы пошли дальше и скоро увидели человека, который сидел на обломке породы и прихватывая бумажкой котлету, устало закусывал, запивая чаем из фляги. Капли пота грязными струйками текли по его лицу. Это был начальник участка Владимир Дмитриевич Фостий.

Директор шахты остановился перед ним и спросил с шутливым укором:

— Котлетками закусываешь?

— Так точно... Жинка нажарила с цыбулькой... Не хотите ли отведасть?

— Ты мне зубы не заговаривай. Три смены подряд сидишь в шахте и указания директора не выполняешь.

— Как же я хлопцев брошу, Евгений Осипович! Видите, и транспортер заело. Болты смяло, и никакой ключ не берет.

— Автогеном надо резать. Ты хозяин участка и решаешь все сам. Куда Силкина дел?

— В лаве... В ночную смену так поднажало, что две секции вылетели к бисовому батьку.

Ничего не ответил директор шахты. Надо было бы настоять на том, чтобы выезжали отдыхать все, кто по две смены оставался в забое. И надо, чтобы транспортер заработал. Плохо, что устали рабочие бригады. И ничего нет хорошего в том, что лава стоит и нет пока возможности справиться с коварной стихией. Нелегко горняцкий труд. В шахте ничего нет постоянного и каждую минуту все в движении — и рабочее место, и характер угольного пласта, и сами грозные недра, за которыми только смотри: то выделение газа усилится, то вода прорвется в забой, то кровля в лаве обрушится, как случилось теперь.

До угольной лавы было уже близко. Лента транспортера кончилась, и от нее вверх пошла другая. Отсюда начиналась лава — узкое пространство в недрах, откуда выбирали уголь. Пласт залегал здесь наклонно. Он уходил куда-то вверх, искристо поблескивая в лучах шахтерских ламп. Не случайно называли горняки этот пласт «Стеклянным» — за блеск и крепость нарекли его таким именем.

Лава была высотой полтора метра и очень длинная. Там царилась тьма, и наши светильники едва ли достигали десятой части ее протяженности.

Наклонный транспортер, положенный по лаве, был загружен углем и не работал. Значит, где-то сверху остановился комбайн — ему преградила путь авария.

Пригнувшись, насколько позволяла высота лавы, придерживаясь за железные стойки крепи, мы продвигались по крутому откосу вверх. Вот она, железная лава! Мощные раздвижные гидротумбы, точно

домкраты, подпирали кровлю, затягивая ее сплошь стальными «козырьками». В такой лаве можно работать спокойно: порода не оборвется сверху и не согнута стойки под тяжестью даже самого чудовищного давления.

Но знают горняки: коварна подземная стихия. Скоро мы увидели на середине лавы огромные глыбы породы, они нагромодились друг на друга, и этот хаос напоминал горный обвал. Здесь посреди лавы обрушилась кровля. Шахтеры ставили временную крепь, пытаясь подхватить завал, не дать ему распространиться на всю лаву. По мятущимся огонькам и коротким командам было ясно, что там шел яростный бой со стихией.

— Выходит, и железная лава сдается...

Директор шахты отозвался на эти слова хитровато:

— Лава не железом железная, а людьми. — И добавил: — Что же касается завала, то такова геология: неспокойны породы.

Неспокойны породы... А может быть, каменные недра смещены и растревожены с тех грозных лет, когда тысячи тысяч бомб и снарядов сотрясали землю на Миусе?

— Здравствуй, Саша!

— Здравствуйте, Евгений Осипович!

Трудно было узнать в полутьме Сашу Силкина. Его лицо, запорошенное угольной пылью, было непроглядно черным. Лишь блестящие глаза да сверкали белые зубы в улыбке.

Директор шахты сел на покатую поверхность лавы и, придерживаясь рукой за тумбу, чтобы не скатиться вниз, сказал со скрытой и мягкой издевкой:

— Художника к вам привел, хочет нарисовать героев, которые сперва дали двадцать восемь тысяч тонн угля сверх плана, а потом съехали до нуля...

Силкин уловил иронию и ответил тем же:

— Не плохо, что пришел художник. Если он к тому же модернист, то рисовать просто: черное пятно вместо морды, каска сверху — и готов портрет...

— Шучу, — сказал директор, — редакция приехала. Ты же выступал с трибуны насчет того, как изводят единого слова ради тысячи тонн словесной... породы.

— Руды, — поправил Силкин.

— Я и говорю... породы, — вон сколько ее насыпало в лаве...

— Вас не переспоришь, Евгений Осипович.

— А ты не спорь. Собирайся на-гора. Твой сын Игорь раз десять звонил на шахту: «Где папка?» — задачка у него не выходит.

— Тут потруднее задачка, — сказал Силкин, вытирая пот со лба. — Придется кланяться в ножки дружковцам, чтобы изготовили запасные гидротумбы.

— Об этом поговорим после... Я запрещаю вам работать по три смены подряд.

Черные ноздри Силкина озорно шевельнулись.

— Что значит три смены для такого орла, как наш Рома Мусин? Верно я говорю, Рома?

— Верно, — отозвался кто-то из полутьмы лавы.

— Или Миша Селезнев, — продолжал Силкин. — Или возьмите Ивана Ивановича Личмана. А Коля Голубь — он же настоящий орел... И вообще я так скажу: шахтеры стояли на Миус-фронте двести пятьдесят пять дней и ночей — вот это была смена!

Справа и слева громоздились глыбы породы, похожие на обломки скал. Работа людей казалась незаметной, но так лишь казалось. Эти люди были сильнее. И как отцы стояли на Миус-фронте несокрушимой стеной, так и сыновья пробиваются сквозь каменные недра — шахтерский характер сказывается!

Время в шахте летит быстро. И вот уже смена кончилась, снизу послышались голоса, замелькали далекие огоньки — пришли на работу горняки очередного звена. Скоро они сами поднялись вверх, и послышался веселый возглас кого-то из них:

— Кончай базар, ярмарка приехала!

— Выезжайте скорее на-гора, а то ваши жены по второму разу замуж повыходили!

Рабочих новой смены всегда легко отличить: у них и голоса громче, и лампы на касках светят ярче, и лица незапыленные. Лишь глаза, если присмотреться поближе, оттенены синеватой кромкой.

— Поехали! — сказал директор. — Силкин, забирай хлопцев и чтобы отдыхали двое суток... Только с редакцией поговори...

— Евгений Осипович, а что о нас писать: как цепь на транспортере меняли или как в завале ковырялись? Никакого героизма у нас сегодня нет...

— Будем считать, что вы отбили атаку подземной стихии.

— Громко сказано, — поддел меня Силкин.

— Зато правильно, — поддержал «редакцию» директор. — У нас всегда так: сегодня отступаем, завтра опять в наступление!

Спускаться по лаве вниз куда проще: сел и скользи по каменистой почве до самого штрека.

Оказалось, что, пока мы были в лаве, слесарям удалось исправить транспортер. Моторист, с которым мы встретились в самом начале, включал и выключал рубильник, пробуя, хорошо ли работает ведущая цепь. Черная река угля скатывалась с ленты конвейера и с грохотом падала в подземный бункер.

Устало шагала по штреку смена. Поистине не было предела мужеству людей, ведущих этот мирный бой. Ведь он продолжение горячих боев, которые вели здесь их отцы.

В эту поездку судьба одарила меня еще одной счастливой встречей. Я покидал славную Ворошиловградщину и на границе Донецкой области неожиданно услышал в стороне Миус-фронта звуки духового оркестра.

В степи дул холодный ветер, всюду вокруг было пустынно. И только вдаль, у шлагбаума, видны были шеренги детей в пионерской форме.

Облака низко плыли над землей. И на десятки километров кругом не было ни души. Что привело сюда пионеров в предвечернюю хмурую пору?

Когда мы подъехали, на бетонных плитах монумента, под суровыми взглядами воинов, изображенных на стене, рядом с Вечным огнем, выстроились в два ряда октябрята и пионеры. Они стояли лицом друг к другу. Малыши — в белых рубашках, озябшие на студеном ветру, но сосредоточенные, строгие. Пионеры — в красных галстуках. Перед ними реяло и надувалось парусом знамя отряда. Был тут и самостоятельный школьный оркестр. Холодные медные трубы поблескивали в посиневших руках юных музыкантов.

Октябрята сняли красные звездочки и бережно сложили их на кумачовую косынку. Звонкими голосами, дружно они повторили слова пионерской клятвы: «Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...»

Но вот присяга окончилась. Семиклассники сняли с себя пионерские галстуки и стали повязывать их малышам, будто зажгли у ребят на груди живые огоньки. Оркестр грянул туш, и все запели песню юности: «Взвейтесь кострами, синие ночи...» Пели вожатые и пионеры, представители райкома комсомола и даже мы, случайные свидетели этого волнующего праздника. Семиклассники прощались с этой песней, а октябрята принимали ее как знамя.

На земле, обгазированной кровью шахтеров, изрытой осколками снарядов и мин, родился новый отряд, точно воинское подразделение, которому еще предстояло готовиться к боям...

А вчерашние пионеры, только что передавшие свои красные галстуки юной смене, вступали в комсомол.

Волнение сдвинуло горло, когда зазвучали на Безымянной высоте голоса тех, кто принимал на себя великое имя комсомольца: «Клянусь честно, через всю жизнь пронести славную эстафету отцовских подвигов и дел».

— Клянемся!

Секретарь райкома начал вручать комсомольские билеты. Под звуки музыки и переключку погибших защитников Миус-фронта назывались фамилии вступающих в комсомол.

— Мамедова Елена Абдулазизовна!

Из строя вышла тонкая и гибкая, как лозинка, школьница, приняла комсомольский билет и уверенным шагом вернулась в строй.

Было заметно по горящему лицу, как гулко билось сердце девушки. Ведь так принимала комсомольский билет Уля Громова. Так решительно и серьезно смотрела в лицо секретарю комсомолка Люба Шевцова.

— Ткаченко Виктор Николаевич!

И ровесник Сережи Тюленина, шахтерский сын, принял боевой комсомольский билет.

— Целуйко Галина Николаевна!

— Лебедева Валерия Георгиевна!

— Москаленко Геннадий Иванович!

— Хайретдинова Елена Анатольевна!

— Журавлев Владимир Леонидович!

...Из-под земли лилась торжественно-величавая мелодия и невидимый голос, как на поверке, вызывал имена погибших героев: Гнилицкая, Кравченко, Огневой... Фамилии комсомольцев звучали вперемежку с именами погибших шахтеров. Вступающие в комсомол вслушивались в переключку бессмертия, и лица их становились похожими на лица солдат на бетоне.

Когда торжества были закончены и все уехали, степь еще больше опустела. Облака рассеялись, и вечернее небо озарилось дальним пламенем заката. Над шахтерской землей опускались сумерки. Я стоял на Безымянной высоте, прислушиваясь к тишине степи, вдыхая запах молодой полыни. Высокие звезды мерцали над степным простором в темной вышине, переговариваясь с красными звездами на шахтных копрах, со звездочками октябрят, с лучистыми гордыми звездами на касках солдат. И снова почудилось, будто продолжается рассказ шахтерского сына об отце-воине. Точно звучал голос Саши Силкина или кого-то из его друзей:

— Сколько крови шахтерской пролито за эту красоту, за нашу с тобой жизнь, товарищ! Вот и выходит, что мы перед ними в ответе... За каждый свой день в ответе... За каждый свой шаг в ответе!

ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ

*Серце твоє лиш на мить зупинилось
І знову в безсмерті забилося, забилося...*

Г. Кривда

Последний раз я был в этом краю лет десять тому назад. Стояла поздняя осень, шли затяжные, беспросветные дожди, и дорога на Краснодон разлилась, точно река: машины застревали в липкой, невылазной донбасской грязи.

Казалось, ничто не могло двигаться в такое ненастье: укрылись в гаражах машины, спрятались в домах люди. В ночном небе сквозь монотонное хлюпанье теплых дождевых струй слышалась тревожная перекличка диких гусей.

Птицы улетали в теплые края и были застигнуты непогодой. Всю ночь грустные гортанные крики то затихали, удаляясь, то снова возникали где-то низко, над самыми крышами. Порой думалось, что над городом в ночи кружат одни и те же птицы. Может быть, они сбились с пути или коршун разметал стаю — и вот летают гуси, кличут матери детей...

Только на рассвете мы узнали, что так на самом деле и случилось: большая стая гусей, отбившись от главной массы, всю ночь летала над Краснодоном. Кто-то видел, как птицы садились в балке Сухой Дол и только утром опять улетели. Немало их погибло в то горькое непогодье...

Случай с перелетными птицами чем-то напоминал мне краснодонскую трагедию, когда, вдруг лишившись партийного руководства, брошенного фашистами в застенки, горстка уцелевших от ареста комсомольцев-подпольщиков стремилась вырваться из кольца врагов. Они то уходили из Краснодона, стремясь пересечь линию фронта, то, наткнувшись на преграду, возвращались обратно. Не многим из них удалось тогда спастись.

Утром мне показали место казни молодогвардейцев. Над стволом заброшенной шахты № 5 громоздился жутким памятником взорванный копер. Его перекрученные стальные балки, точно заломленные от боли руки, поднимались к небу в молчаливой мольбе. Старый террикон скорбно возвышался неподалеку. Порода на его морщинистых склонах стала от времени бурого цвета, а на вершине — ярко-багровая, точно кровь, стекавшая потоками до самого низа.

Трудная доля досталась юным героям. В одну ночь они пережили слишком много: жаркую радость несломленного духа, боль измены, звериную месть врага и гибель надежд.

Тогда все еще было свежо в памяти: и война и вся героическая, гордая эпопея краснодонцев-подпольщиков, и каждый клочок земли в этом маленьком шахтерском городке, казалось, хранил в себе их бессмертие.

И вот я снова в Краснодоне. С трудом узнаю старые приметы, да и не осталось их почти.

От самого Ворошиловграда до Краснодона и дальше, к берегам Донца, пролегла гладкая, голубая под слепящим солнцем асфальтовая дорога.

При въезде в Краснодон, сразу же за шахтой № 2-бис имени «Молодой гвардии», там, где раньше была степь, теперь стояли дома, целая улица красивых двухэтажных, с балконами, новых домов.

В центре города, возле школы имени Горького, где учились многие краснодонцы-подпольщики, на просторной площади воздвигнут величественный памятник из бронзы и гранита. На круглом высоком метровом пьедестале — пятеро юных героев, боевой штаб «Молодой гвардии» — Олег Кошевой, Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Иван Земнухов — замерли неподвижно под знаменем Родины, как вечные часовые.

Суровы лица отважных. Поднял трепещущее на ветру знамя Олег Кошевой, прижала к жаркому сердцу полотнище знамени, припав, как в клятве, на колено, Уля Громова. Устремил вдаль своей гневный взгляд Сергей Тюленин. Порыв борьбы в облике Любы Шевцовой. Спокоен и решителен Иван Земнухов.

...С волнением входишь в музей «Молодой гвардии». Под стеклом витрины беленькая блузка Нины Старцевой, старательно вышитая голубыми и черными нитками по воротничку. И тут же самодельный кинжал, принадлежавший этой девушке. Должно быть, нашла она этот кинжал в земле, а может быть, подарил кто-либо из мальчишек в трудную минуту жизни. Кинжал плохонький, конопатый от ржавчины, но он аккуратно вычищен и вместо истлевшей старой рукоятки выстругана новая — грозное оружие вчерашней пионерки. Девушка не могла примириться с фашистской неволей и готовилась к смертному бою. Тем, кто остался в тылу врага, вместе с оружием вручали судьбу Родины — ее честь, ее будущее, всю ее, родную до слез, добрую и строгую мать-Родину. Как же было не сразиться и не идти бесстрашно на смерть за нее!

Немые документы времени! Если вдуматься в них — какая глубина нерассказанного вдруг откроется сердцу, и видишь за молчаливыми вещами живую жизнь, оборванную в самом начале.

Вот большая, во всю стену, картина — Олег Кошевой перед палачами. Четверо гитлеровцев сидят за столом в камере пыток, а перед ними со связанными руками, в разорванной рубаше стоит гордый комиссар «Молодой гвардии» шестнадцатилетний Олег Кошевой. Гитлеровцы смущены железной выдержкой юноши. Один из них мрачно опустил голову, будто задумался.

С особой олушью фашисты истязали коммунистов, надеясь, что при виде их мучений комсомольцы струсят и расскажут все. Но стойкость отцов была для молодежи примером. Евгений Машков под пытками крикнул врагам: «Вы можете меня вешать! Слышите? Все равно вам не заслонить солнца, которое взойдет над Краснодоном!»

Не всякая смерть есть трагедия и поражение. Их смерть была победой.

Каждой весной на могилах комсомольцев-партизан распускаются цветы. И растет на земле Краснодона новое поколение борцов. Кто же они, наследники героической славы?

Установилась традиция — присваивать почетное звание «Молодогвардеец труда» тем, кто отлично работает.

Одним из первых это высокое звание получил Афанасий Андрюшкив, забойщик шахты № 1-бис имени Сергея Тюленина. Приехал он в Краснодар по путевке комсомола, никогда прежде не видел угольных шахт и не знал, как добывают уголь. Невысокого роста рыжеватый паренек сохранил в себе что-то от сельского жителя. Но в горном деле он уже обгонял опытных мастеров. Местные газеты пишут о нем статьи, печатают его портреты — знаменитым человеком стал в Краснодаре молодой забойщик Андрюшкив. Даже горняки-старожилы говорят: «У тебя, Афанасий, талант шахтера». Вот как — талант!

Андрюшкив улыбается, смущенный высокой и, по его мнению, незаслуженной похвалой. Но на самом деле похвала справедлива и далась ему нелегко.

Поначалу, как все молодые шахтеры, Афанасий никак не мог овладеть трудным искусством забойщика. Болела спина, то и дело ломались «зубки» отбойного молотка. Угольный пласт не давался. Случалось, выпивал за смену в жарком забое по две фляги воды. Тяжело, ой, как тяжело! А молодогвардейцам легко было? А тридцати шахтерам Краснодона, которых фашисты закопали живыми в землю, легко было?

Такие думы зажигали молодого забойщика. В душе поднимались ярость и досада на себя. Неужели не устоит он? Однажды сорвавшимся коржом¹ поранило руку. Можно было выехать на-гора, перевязать рану. Но кто будет за него рубить уголь? Решил пересилить боль: это нужно было для борьбы с самим собой, для закалки характера. Кто-то из шахтеров посоветовал присыпать рану угольной пылью. Ничего, до свадьбы заживет! И рана, словно подчинившись его воле, затянулась.

Себя победил, но угольный пласт не стал мягче. Казалось, еще труднее было рубить его, держа на весу тяжелый отбойный молоток.

В один из таких трудных дней пришел Андрюшкив к комсоргу шахты. Зачем пришел — сам как следует не знал. Устало опустил в кресло и тяжело вздохнул.

— Что, Афанасий, тяжеленько?

— Есть трошки... — слабо усмехнулся Андрюшкив.

— Собирайся, завтра поедем работать вместе.

Андрюшкив и комсорг на другой день спустились в лаву. Сперва рубил уголь комсорг, Андрюшкив крепил за ним. Потом взял молоток Афанасий. И то ли подметил он что-то новое в работе комсорга, то ли поддержка окрылила — дело пошло лучше.

В конце смены комсорг сказал:

¹ Отвалившаяся от кровли глыба породы.

— Я ведь сам когда-то пережил такое, а потом старик шахтер сказал мне: «Легко дается — дешево ценится». Задумался я над его хитрыми словами и понял намек: трудно дается — дорого ценится. Вот что хотел подсказать мне старый горняк. Значит, если тебе дается дело трудно, то полюбишь его.

Трудно дается — дорого ценится. Значит, не бояться трудностей!

И Афанасий взялся за учебу. Он приглядывался к опыту старших, взял в библиотеке брошюру по горному делу и там вычитал, что надо хорошо знать инструмент. И он, как солдат винтовку, стал разбирать и собирать свой отбойный молоток, изучал его характер.

Постепенно накапливался опыт. Теперь он, работая, уставал меньше, а угля выходило больше.

Наконец, пришел успех: в феврале ему удалось нарубить за смену семь норм. Так молодой шахтер победил свою нерешительность, свою неопытность. Он полюбил всей душой горняцкий труд, и эта любовь сделала его талантливым.

Пришло лето. Афанасий получил отпуск и поехал в свой тихий приднепровский край, в село Дубовцы.

Младший брат жадно расспрашивал старшего о жизни в шахтерском краю, и все, что слышал, представлялось ему заманчивым и увлекательным. Но Афанасий под конец сказал брату, что ехать ему в Донбасс рановато, что шахтерский труд тяжелый и требует серьезности, твердого характера и упорства.

Младший Андриюшкв промолчал тогда, а потом следом за братом приехал в Донбасс. Афанасий встретил его хмуро.

— Значит, не послушался меня?

— Не послушался, — улыбнулся младший.

— Ну смотри! Трудно покажется — не хнычь, помни, что приехал на родину молодогвардейцев.

На другой день младший Андриюшкв попросился с братом в шахту. Они ходили и лазили по темным подземным выработкам. Младший, как зачарованный, освещал каждый уголок, улыбаясь, трогал играющий искрами в свете лампы угольный пласт. Особенно понравилось ему, как старший брат, будто опытный горняк, учил его, как находить дорогу в шахте по приметам: по воздушной струе, которая всегда тянет в одном направлении, по канавке, где вода течет к стволу. Даже по рельсам с потухшей лампой в полной тьме можно найти дорогу к стволу. Интересно, похоже было на игру. Старший Андриюшкв радовался, что братишка слушает его с увлечением. «Пожалуй, выйдет из него шахтер», — думал Афанасий, когда братья, уставшие от длинных переходов больше, чем от работы, выезжали в клетки на-гора.

Так начались в селянском роду Андриюшкв шахтерские традиции. Из поколения в поколение будут теперь переходить у них горняцкая гордость и благородное шахтерское мастерство.

Краснодон — город комсомольской славы! Он зовет к себе молодежь со всех концов земли.

Весной приехал сюда слесарь-монтажник Петр Забашта. Интересно сложилась судьба у этого невысокого, с кучерявой шевелюрой и спокойными темными глазами паренька. Родился он в украинском селе. Но его всегда влекло в загадочный край, где дымил Донбасс. Там в годы войны жили и боролись любимые его герои — краснодонские комсомольцы. О них он знал со школьной скамьи, играл с ребятами в «Сергея Тюленина». А когда подросток и поехал учиться в днепропетровскую школу, в его деревянном сундучке-чемоданчике не было ничего, кроме чистой майки и романа Фадеева «Молодая гвардия» в потрепанном донельзя переплете. Петя мечтал о том, чтобы его жизнь была бы хоть каплю похожа на жизнь Сережи Тюленина.

Не знал Петя, что судьба приведет его в Краснодон. Сначала работал в Кривом Роге, восстанавливал коксохимзавод. Оттуда, как лучшего рабочего, его направили в Москву. Здесь он работал на «самой высокой должности», как любил шутить, — на строительстве высотного здания на Смоленской площади. На самой вершине стоял верхолаз-монтажник и любовался панорамой Москвы. Он видел ее всю — от скрытой в тумане Яузы до лесистых Ленинских гор с величавым зданием университета. Дух захватывало — какая она необъятная и красивая!..

Но вот однажды Забашта прочитал обращение партии к молодежи ехать на стройки Сибири и Донбасса. Выбор явился сам собой — в Донбасс!

Случилось так, что он сразу попал в город мечты — Краснодон. Забашта бродил по улицам, в сущности, незнакомого города и удивлялся, почему все в нем узнает. Вот школа имени Горького, где учились Олег Кошевой и Ваня Земнухов. А там — старая шахта № 5, куда сбросили юных героев, и дорога, по которой везли их на казнь, — он знал эти места по роману Фадеева.

По приезду в Донбасс Забашта получил назначение на шахту № 1 имени Сергея Тюленина. К радости, он узнал, что Сережка Тюленин работал в первые дни войны на этой шахте забойщиком.

Теперь и он, Петр Забашта, будет шахтером. То под облаками работал, а теперь спустился в глубокие недра земли. Вот в чем счастье — познать высоты и глубины!

Он выбрал профессию машиниста электровоза, подслушал, как говорили старые шахтеры: «Шахта добывает угля не столько, сколько нарубят забойщики, а сколько вывезут электровозы. Забойщик — профессия ведущая, а наша — везущая: вывозим план шахты».

Первое время Забашта ездил у опытного машиниста провожатым, или, как тут говорят, кондуктором.

Через месяц ему доверили электровоз.

Не простое дело — водить под землей составы. Тянется темная галерея штрека. Свет от фары осторожно ощупывает дорогу. Медленно движется электровоз, управляемый еще неуверенной рукой. Гулко отдается в пустоте штрека рокот колес. Надо уметь на крутом повороте правильно затормозить, чтобы свободно и плавно вывести состав на прямую. Уметь на подъеме дать такую скорость, чтобы за счет инерции вытянуть тяжелый поезд. Надо знать, как вести состав «врасстяжку», чтобы вагонетки не толкали машину, как управлять электровозом, когда он мчится под уклон. В таких случаях легко «забурить» груженный состав, и тогда придется самому «лимонаткой» (спиной, упершись ногами в землю) поднимать опрокинутые вагонетки.

Шахта № 1-бис особенная. В ней сосредоточены все существующие в Донбассе виды горных разработок: есть пласты крутопадающие, где уголь рубят отбойными молотками, и есть пологие, где уголь добывают комбайнами. В такой шахте работать интересно и трудно. Машинист электровоза обязан учить все особенности.

И вот настал день первой удачи: сменное задание было перевыполнено. Стараясь скрыть улыбку, Забашта шагал под землей к стволу и насвистывал песенку. На поверхности его встретил начальник участка.

— Как дела, коногон? Сколько угля вывез?

— Не так чтобы много... тонн двести.

— Ого! Молодец!

Обычно машинисты электровоза водят составы по двадцати вагонеток, а Забашта решил прибавить по три-четыре вагонетки на состав. Так он стал вывозить угля больше, чем другие.

«Если быть, так быть лучшим» — эти вычитанные еще в детстве слова Забашта крепко запомнил.

Но быть лучшим нелегко.

Сначала Забашта попробовал водить составы на больших скоростях. Этим он увеличил количество ходок от ствола к забою и обратно.

Хорошо. Но можно работать лучше.

Забашта попросил разрешения увеличить состав до тридцати вагонеток.

Начальник участка с сомнением поглядел на молодого горняка. Никто из «стариков» не водил составы такой тяжести.

— Что ж, попробуй!..

И вот сцеплено тридцать груженных углем вагонеток. Состав так длинен, что машинисту не видно в темноте конца поезда. Там, вдали, сигналист лампочкой кондуктор. Поехали! Электровоз плавно, чтобы не разорвать сцепку, трогается с места. Шахтеры с интересом смотрят на необычный состав. Набирая скорость, гремит по штреку подземный поезд. Подъем, поворот, еще поворот — и вдали замелькали огни рудничного двора.

Гудит земля под колесами машины. В кабине электровоза Забашта в рубашке-косоворотке, видной под распахнутой курткой. Спит подземный скорый! До конца смены еще часа два, а машинист уже выполнил норму.

Среди рабочих подземного транспорта шахты № 1-бис долгое время первенство держал Макар Кисничан — комсомолец из Молдавии. Они с Забаштой друзья — всюду вместе, даже костюмы одинаковые. Будущим летом собирались поехать в Молдавию. Но случилось так, что в День шахтера сыграли свадьбу Макара, и Забашта остался в общежитии один. Рад был за друга и все-таки закрутил. Застлана рядом пустая кровать, и не с кем поговорить...

Секретарь комсомольской организации шахты заметил перемену в парне.

— Что случилось, Петро? — спросил он как бы невзначай.

— Да вот инструмента в кладовой не дают, гайку и ту нечем прикрутить.

— Только и всего? Это — дело поправимое...

Секретарь догадывается, что не это волнует парня. Слышал он о любви машиниста к одной девушке и взялся помочь ему с квартирой.

Секретарь пошел к начальнику шахты Владиславу Алексеевичу Бахмутскому, сыну известного изобретателя первого в мире угольного комбайна Алексея Бахмутского, и рассказал обо всем. Было решено предоставить друзьям-машинистам две семейные квартиры в новом доме.

Когда Забашта узнал — растерялся. «Мне, семейную квартиру?» Потом со смущением подумал: «Ничего не утаишь на этом свете...»

Вполнеба горела вечерняя заря. Мы шли с Забаштой по Краснодону. В городской парк к братской могиле молодогвардейцев, утопающей в живых цветах и усыпанной желтыми осенними листьями, приехала экскурсия. Две девушки вынесли из автобуса венки, и делегация торжественно возложила его на могилу у высокого обелиска. Один их шахтеров, волнуясь, произнес короткую речь. Он сказал, что горняки Ростова склоняют головы перед подвигом юных героев и в память о них обязуются каждый день выдавать уголь сверх плана.

Забашта слушал с серьезным, чуть грустным выражением лица.

— Интересно бывает в жизни, — сказал он, когда мы пошли по аллеям городского парка. — Можно прожить на свете сто лет, и никто не будет знать, словно и не было человека. А можно прожить восемнадцать лет и остаться в памяти народной на века. Отчего так? Наверное, секрет в том, как жить. Бывает: работает человек хорошо, план выполняет, передовик, с доски почета не сходит. А присмотришься к душе и видишь: для себя одного живет. Нет ничего выше рубля: деньги, деньги, деньги. Есть рубль — все хорошо. Нет длинного рубля — все плохо: и уголь крепкий, и обсчитывают его, и порядка

нигде нет. Вот и получается: хоть и накопит он много денег — где заработает, где урвет, где выклянчит, — богатую жизнь себе создаст, а я не завидую. О таких людях ни сказок не расскажут, ни песен не споют. А молодогвардейцы бессмертны. Почему? Потому, что свою короткую жизнь отдали народу.

У нас часто повторяют: люби Родину. Как же иначе? Родину любить надо. Но этого мало. Надо, чтобы Родина тебя любила!..

Если свернуть с шоссе, ведущего от шахты № 1-бис в сторону Каменска, с горы откроется обширная долина с беленькими хатками, утопущими в зелени акаций. Это «куток»¹ Гавриловка — часть Краснодона. Здесь, на узенькой, извилистой улочке, очень уютной, заросшей вишневыми садами, стоит домик Ули Громовой.

Меня встретила мать Ули, Матрена Савельевна, старая женщина, повязанная по-крестьянски белым платочком. В комнатах все скромно и просто. У окна — столик Ули, за которым она десять лет готовила уроки. Над столом в старинной раме разбитое зеркало...

А вот и сама она с длинными косами, опущенными на грудь, открыто смотря большие прекрасные глаза.

Матрена Савельевна то и дело поглядывает на портрет дочери, и слезы туманят материнские влюбленные глаза, вечно влюбленные в свое дитя.

— В том году третьего января Уле исполнилось девятнадцать лет. Вечером в тот же день арестовали Анатолия Попова, он у них был командиром пятерки. Улю арестовали десятого, а семнадцатого казнили...

Мать ведет рассказ так, словно делится своей болью:

— В день ареста она поднялась рано и стала убираться. Налила в таз воды, моет ноги, а сама поет, да так печально: «Я девчонка еще молодая, а душе моей тысяча лет...». Она любила и умела петь. В тот день она была особенно грустная, будто предчувствовала беду. Я тоже встревожилась и спрашиваю: «Что с тобой, доченька?» «Ничего, мама. Все хорошо». А сама подошла к окну и задумалась-задумалась. Потом опять запела тихонько: «Орленок, орленок, мой верный товарищ, ты видишь, что я уцелел. Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел...». Тут я не выдержала и сама заплакала. Уля взглянула на меня и замолчала.

Под вечер она ушла к подруге и вернулась, когда уже заходило солнце. Пришла и говорит: «Мамочка, дай покушать». Я быстренько накрыла стол, а она есть не стала и, тревожная, опять ушла. Уже поздно вечером, часов в десять, громкий стук в дверь. «Кто там?» «Полиция». Старик мой открыл. Заходит сам начальник полиции

¹ Буквально — уголок. Так называют в Краснодоне эту часть города.

Соликовский. За ним двое полицаев. «Громы здесь живут?» «Здесь». «Где дочка?» «Не знаем, пошла к подруге». Вынудили старика одеться и идти искать Улю. Только он собрался, а она на порог. Так и замерла, зубы стиснула, молчит. «Вы Громова?» «Я». «Одевайтесь».

Я собрала ей узелок, валеночки дала. А она мне твердит: «Мама, не плачь, они за все ответят...»

С тех пор я больше ее не видела живую. Когда вернулась Красная Армия, прошел слух, что детей наших фашисты побросали в шахту. Но вот всех достали, и я увидела свою Улю... Какие же муки вынесли дети! У моей Ули на спине была вырезана звезда...

Отец Ули Громовой, Матвей Максимович, был солдатом русско-японской войны. Давно это было, а раны чувствуются и поныне — шесть раз был ранен... Жители Краснодона с волнением рассказывают, как отец Ули приходил на могилу дочери и долго стоял в одиночестве, тихонько разговаривая с самим собой и никого не видя вокруг: «Доченька, голубка моя, что же ты таилась от отца родного, зачем не открылась? Я бы с тобой вместе пошел на смерть и на муки...»

...Над поселком у самого поворота на Изварино возвышается гора. До войны там собирались пионеры и жгли костры. Высоко над городом пылал огонь. Понерка Первомайской школы Уля Громова читала товарищам стихи, рассказы. Притихшие ребята, блестя глазенками, с восхищением слушали, как она читала:

«Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного прекрасного далека тебя вижу... Какая... непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня?.. Русь! Чего же ты хочешь от меня?.. Что глядишь так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Искры взлетали над костром и, медленно угасая, опускались на землю, и звучал в тишине мягкий, задушевный голос Ули.

Она прожила жизнь короткую, но яркую, как падучая звезда, оставив в жизни огненный след и поразив людей своей Верностью.

...Твое будущее беспредельно, Уля. Твоя нетронутая красота, твои несбывшиеся мечты повторятся, и оживут, и сбудутся в тысячах твоих младших подруг, которые ходят сегодня по улицам советских городов и сел с пионерскими галстуками на груди...

Вторая половина лета в Донбассе выпала на редкость жаркой. На Украине говорят «спека». Небо от зноя стало белесым, словно выгорело. И степь лежала, пахнувшая пылью, покрытая пылью. По вечерам солнце опускалось за горизонт, в сплошную пелену оранжевой пыли.

Шахты Краснодонского района тянутся далеко на восток. Последние из них возвышаются над Донцом, сверкая огнями, как маяки.

Весело зеленеет вдали пойма Донца.

...Медленно опускаются сумерки, тихие сумерки южного края. Вода, отражавшая румяную зарю, тоже стала нежно-румяной. А с восточной стороны, где небо было темно-синим, светлая река отразила прибрежные деревья; опрокинутые вверх кронами зеленые дубы стоят в воде, будто живые.

Уж никого нет на берегу, привязаны лодки, разошлись люди, и течет неслышно величавый Донец.

Зажглась в небе первая звезда и повторилась в речной воде. Раскинулся над затихшей рекой небесный звездный купол. И вот уже можно ясно видеть два созвездия Большой Медведицы: одно — в небе, другое — в Донце.

От пения цикад стоит мелодичный серебристый звон. Стало совсем темно. Где-то на дальнем берегу зажгли костер. Пламя вздрагивает, то увеличиваясь, то затихая. Но вот оно достигло почти верхушек деревьев и отразилось в реке огненным языком.

Издаലെка донеслась песня. Чьи-то дружные голоса негромко, будто задумчиво, пели: «Это было в Краснодоне, в грозном зареве войны...»

Пришли из станицы ребятишки-рыболовы. Они сидят на берегу против закинутых в Донец удочек и, кутаясь в отцовские, с длинными рукавами ватные пиджаки, жуют краюхи хлеба с дыней и тихо переговариваются:

— Хорошо поют где-то... должно, пионеры...

— Что ты, они уже давно уехали... Это экскурсия из Краснодона вертается, вот и остановились.

— Что же вы в такой темноте ловите, ребята? — спросил я, подходя к воде.

— Рыбу, — ответил насмешливый голос.

— Рыба не увидит вашу приманку.

— Увидит. Тут таких сомов ловили, дай боже!..

— И поплавок не видно.

— Зачем его видеть? Сом глотает сразу. Только держи удочку, а то утянет, — ответил мальчик и замолк, глядя в Донец, полный звезд.

Почему-то подумалось при взгляде на это серебряное звездное скопище, что, наверное, не раз легкой ночью Нина Старцева, Люба Шевцова, Уля Громова с подругами любовались звездами и в шутку и всерьез загадывали, чья та звезда, чья эта...

Погибли юные, а звезды горят и вечно будут мерцать над степным шахтерским городком...

Время около одиннадцати, близится к концу вторая смена. В эту пору в недрах Донбасса тоже горят тысячи огней. Среди них поблескивает огонек лампы забойщика Афанасия Андрюшкин. Рокошет в руках отбойный молоток, и рушится черной лавиной

каменный уголь. А на штреке светит во тьме прожектор электровоза Петра Забашты. Вагонетки нагружают углем.

...Мчится по длинной галерее тяжелый поземный состав. Слепящий луч гонится за тьмой вдогонку, мелькают столбы крепи, и гудят, гудят под колесами земные недра.

Счастливого пути, шахтер!

ГВАРДИИ ШАХТЕР

*Как найти нам слово не простое,
Песню спеть о тех богатырях,
Что в минуты эти там, в забое,
Землю нашу держат на плечах.*

И. Горелов

Гитлеровцы стояли на горе, в поселке Золотое. Окопы наших войск проходили понизу, пересекая шахтерские огороды, вишневые сады и речку Камышеваху. Командир, скрытый за густыми зарослями кустов, напряженно смотрел в бинокль в сторону противника: он ждал возвращения юных разведчиков, двух мальчишек. Мальчишки были местными жителями и сами вызвались проникнуть к немцам. Командир вынужден был пойти на эту крайнюю меру: гитлеровцы занимали главенствующую высоту и держали под обстрелом каждый сантиметр нашей линии обороны. Надо было разведать вражеские огневые точки и подавить их внезапным артиллерийским налетом.

Командир ждал результатов разведки и по-отечески волновался за ребяташек.

А тем временем в поселке Золотом бродили среди вражеских солдат двое мальчишек в рваной одежке. Они делали вид, что подбирают окурки, а сами зорко смотрели по сторонам, разглядывая, где укрылись вражеские батареи, где расположился их штаб.

Фашисты заподозрили неладное и задержали ребят. Их допрашивал офицер, больно хлестал плетью по плечам. Потом ребят втолкнули в сарай, где были заперты раненные наши бойцы.

— Надо хлопчиков выручать, — сказал один из них. — Нам уже не ждать спасения, а ребятам надо жить...

Ночью сделали подкоп и мальчишки выбрались на волю. Они во весь дух помчались к своим, кубарем катились с горы, поднимались и снова бежали под свист немецких пуль. Фашисты открыли минометный огонь, тут и там рвались мины, но, казалось, сама судьба укрывала ребят материнским крылом.

На рассвете, взволнованные, голодные, но счастливые, стояли они перед командиром и, перебивая друг друга, рассказали обо всем, что видели.

На Голубовке, в штабе части, артиллеристы нанесли на карту указанные ребятами объекты, и грозно грянули пушки. Следом за огнем налетом бойцы поднялись в атаку, разнеслось по степи дружное «ура». Гитлеровцы были ошеломлены, побросали свои укрепления и начали отступать. Наши били врагов и гнали их до станции Попасная.

После боя солдаты окружили своих маленьких помощников, повели на кухню, и там повар накормил их досыта вкусной армейской кашей.

Под вечер их вызвал к себе старший командир.

— Спасибо вам, хлопцы, здорово выручили нас. А теперь марш по домам. Матери вас, наверное, жаждали. Передавайте им наш солдатский поклон.

Ребятам выдали по две банки консервов, по буханке хлеба и по куску пайкового сахара. Вон сколько добра привалило! Но мальчики не спешили уходить. Толик умоляюще смотрел на военных — такой маленький, курносый, но, по всей видимости, отчаянный.

— Дяденька... Товарищ командир, возьмите меня в солдаты... Я хочу воевать против фашистов. Не откажите моей просьбе, пожалуйста... — Мальчишка просил страстно, и самые настоящие, непритворные слезы накатывались на его светлые глаза.

— Как же мы тебя возьмем, а мать и отец? — спросил командир.

— Отца у меня нету, а мамку я уговорю, об этом вы не беспокойтесь...

Понравился малец командиру. У него у самого рос такой же сынок, и кто знает, где он сейчас... Задумался командир, а мальчишка обреченно ждал решения своей судьбы, поглядывая на солдат, ища у них поддержки...

Так и ушел с войсками юный разведчик, шахтерский сын Толя Коваленко. Поначалу бегал, разнося солдатские письма, помогал повару чистить картошку, пулей выполнял мелкие поручения по связи. А когда подходил срок серьезного задания, передевался в рваную одежку и шел в разведку.

В каких только переделках не пришлось побывать мальчишке, но трудности, казалось, еще больше закаляли его отчаянный характер.

Полка, сшили ему военную форму, подобрали сапожки, примерили пилотку с красной звездой. Трофейный автомат сам себе раздобыл, подобрал на поле боя. Приобрел личный пистолет. Правда, солдаты осмеяли пистолет, назвали его дамским, но зато он был блестящий, короткоствольный и легкий. Толик всегда носил в карманах по гранате-лимонке — герой да и только! Но это не было детской забавой: тринадцатилетний мальчишка проходил

жестокую школу войны. И скоро у него на груди позванивали медали: «За отвагу» и «За боевые заслуги».

От шахтерской Первомайки до самой Вены дошел Толя Коваленко с боевыми друзьями из батальона автоматчиков 23-го отдельного танкового корпуса, привык к грохоту орудий, спал в танке возле теплого мотора.

Листало время дни войны, наши войска гнали врага на запад.

Однажды в Венгрии, в бою за город Дендьеж, крепко выручил сын полка боевых товарищей. Укрылся за стенами старинного, похожего на крепость дома вражеский «тигр», он бил прямой наводкой, и никак не удавалось обнаружить замаскированный танк. Вызвался пойти в разведку Толя Коваленко. Под пулями врага он пересек попластуни площадь и засек танк. Обратный путь был особенно трудным, вражеская пуля угодила мальчику в руку. Зато и «тигр» попал под меткий артиллерийский огонь.

...В мае сорок пятого бойцы прощались с сыном полка. И хоть плачь, хоть смейся, а было написано в его документе: «Уволен из армии, как несовершеннолетний».

— Прощай, сынок, — сказал командир, — поезжай в свой родной Донбасс и живи так же славно, как воевал.

Стоял сын полка, сурово сдвинув брови, слушал, как будто командир давал ему боевое задание на всю жизнь.

Вернулся в родные края, и отсюда началась шахтерская биография Анатолия Коваленко, не менее славная, не менее геройская.

В Донбассе — разгар щедрого лета. Цветут в садах розы и мальвы. Кое-где цветы перешагнули за калитку и красуются на кромке вдоль всего шоссе, пересекающего поселок. Красные маки, голубые ирисы словно вышли на улицу приветствовать всех, кто едет в гостеприимный донецкий край.

Бахмутский шлях блестит накатанным асфальтом. Точно стальная лента, пролегла синеватого цвета дорога от горизонта до горизонта и то взбегае на вершину степного кряжа, то спускается в глубокую балку. Вдоль шоссе весело зеленеют посевы кукурузы и маленьких еще подсолнухов...

Жарица — за тридцать. У нашей «Волги» раскалилась крыша, в открытые окна бьет горячий ветер.

Шоссе — словно река жизни. Вот мчится навстречу мотоцикл. На нем двое парней без рубашек — загорелые, плечистые, пронеслись с грохотом и скрылись в мареве зноя, лишь трепетала на ветру белая майка, которой подпоясан сидящий позади хлопец.

То здесь, то там тракторы поливают поля из мощных дождевальных установок. Струи воды гигантскими веерами взлетают кверху, орошая посевы. Все живое спряталось от зноя. Лишь одинокий кобчик, распластав крылья, кружит высоко над зарослями подсолнухов.

Но вот вдали, на синееющих взгорьях, показались черные пирамиды рудников. Одни, близкие, ясно проступают сквозь дымку зноя, другие едва видны, будто в тумане. Край шахтерский, степь полынная, она манит к себе неоглядными просторами, и кажется полмира открыто взору.

Шофер Алеша, красивый парень атлетического сложения, словно игрушку, вертит в руках руль машины. Сам он глядит в синееющую даль, словно любуется родными картинками.

— Нравится вам Донбасс? — спрашивает он, думая, что я здесь впервые. И сам себе отвечает: — Красиво у нас, как нигде, а?

— Хорошими людьми знамениты эти края, — пытаюсь перевести разговор на интересующую меня тему. — Ведь в Первомайке жил Бахмутский — изобретатель первого в мире угольного комбайна.

— Точно! — радостно согласился Алеша. — Ему памятник в городе стоит: семь метров высотой!

— А вот этого человека ты, Алексей, не встречал?

Шофер покосился на фотографию с изображением мальчишки в погонах, с боевыми медалями и сказал неуверенно:

— Нет. Кто это?

— Горняк Анатолий Коваленко.

— С десятой шахты? — восторженно воскликнул Алеша. — Силен парень, а я и не знал, что он вояка. Гм-м, надо же... Мальчишка, а с боевыми медалями. Он у нас знаменитый горняк. На прошлых выборах в Советы я голосовал за него. А на днях была передача по городскому радио: его бригада раньше всех закончила пятилетку, а самого бригадира наградили орденом Октябрьской Революции...

Дорога пошла круто вниз, в степную балку, потом мы свернули в сторону, и снова потянулись поля необозримых хлебных зеленей.

Но вот и «Десятая» шахта, по старому — «Петр». В эту шахту когда-то спускался главный механик Первомайского рудоуправления Алексей Иванович Бахмутский. Не здесь ли испытывал он свой первый в мире, склепанный вручную угольный комбайн, невиданную чудо-машину, ставшую для наших дней легендой?..

В светлой нарядной первого участка сказали, что Анатолий Коваленко работал в ночную смену, сейчас он в душевой и вот-вот явится. Скоро дверь с шумом распахнулась, и вошел — нет, влетел коренастый молодой горняк с живыми, ищущими глазами, подведенными синеватой угольной каемкой. Вид у него был решительный, веселый и деловой.

— Кто меня вызывал?

— Коваленко Анатолий Маркович?

— Он самый.

— Сын полка?

Коваленко усмехнулся и промолчал, словно мой вопрос не имел серьезного смысла.

— Мы ему повышение дали,— пошутил кто-то из шахтеров.— Теперь он не сын, а отец полка.

— Шахтерского! — уточнил другой.

— Гвардейского! — подчеркнул директор шахты Горишный и, здороваясь, крепко встряхнул руку бригадиру.

— Здоров, кум Багров...

У Коваленко взгляд быстрый, походка легкая, юношеская, хотя он давно не мальчишка, а почетный шахтер и отец семейства. Но что-то оставалось в нем от того отчаянного разведчика, который задиристо и сурово смотрел с выцветшей военной фотографии.

— Ну, отец полка, веди нас к своим гвардейцам,— сказал директор, и мы стали собираться в шахту.

Наклонный ствол шахты находился в открытой степи, неподалеку от старого террикона.

Узкая колея рельсов под уклон спускалась в глубь земли. Подземный трамвай, прозванный здесь «Козой», только что поднялся на поверхность и ожидал нас. Пригнувшись, мы по очереди втискивались в низкие с железными крышами вагончики, расселись по двое на ступенчатых скамьях, и поезд медленно, будто ощупью, стал спускаться круто вниз. Скоро стало темно, под ногами слышался гул колес, и в свете наших «коногонок», прикрепленных к каскам, мелькали сбоку крепежные стойки. Но вот первая остановка — нижний горизонт.

— Станция Березай, кому нужно вылезай,— пошутил кто-то из шахтеров.

Под землей исчезает ощущение не только пространства, но и времени. День или ночь на поверхности, об этом в шахте никто не думает. Здесь жизнь идет по своим особым законам.

В безмолвии мы долго шли по квершлагу — главной транспортной магистрали, закрепленной могучими металлическими дугами,— тоннель был освещен электрическими лампочками, побелен и от этого казался просторным.

Скоро квершлаг кончился, и мы свернули налево в темную галерею. Отсюда начинался штрек первого участка. Выработка была меньшего сечения, чем квершлаг, и здесь пришлось идти гуськом. До угольной лавы было еще не менее километра.

Анатолий шел впереди. Его яркая лампа была дальше всех, точно он хотел озарить своим лучом дорогу идущим за ним. Он чувствовал себя в этих мрачных подземных владениях полным хозяином, подмечал на ходу неполадки. Вот он откинул ногой глыбу породы, лежавшую на рельсах. В другом месте, где сильно зажал штрек и нам пришлось наклонять головы, чтобы не стукнуться о сломанный верхник, Анатолий мелом сделал отметины для ремонтников.

Вдруг далеко впереди, в тоннеле, где затаилась темнота, послышался взрыв, и в лицо пахнула ударная волна.

— Проходчики рвут породу,— спокойно объяснил Коваленко, продолжая шагать в направлении взрыва.

Скоро в штреке потянуло гарью, и навстречу нам выплыло из темноты облако пыли и дыма. Черный туман был так густ, что его не просвечивали лучи наших ламп. Пришлось прибавить шагу, чтобы поскорее миновать этот «туман» и выйти на свежую струю.

Но вот и конец пути. Где-то здесь угольная лава. Пока я не видел ничего, кроме порожних вагонеток, цепочкой стоявших под грузовым люком. Рабочий-насыпщик время от времени открывал щиток люка, и в пустую вагонетку обрушивалась черная лавина угля.

— Почему не полные вагоны насыпаешь? — строго заметил Коваленко, разравнивая рукой горку мелкого угля в вагонетке.

— Та сыплется ж уголь на рельсы! — огрызнулся насыпщик.

— А ты ловчее регулируй щитком... А то гоняете пустые вагоны по шахте.

Рядом с грузовым люком вверх был пробит лаз. Это и был «вход» в лаву. Если посветить туда длинным лучом лампы, увидишь уходящий круто вверх подземный ход с дощатым настилом. Получалось: из недр еще дальше в недра.

С юношеским проворством Коваленко взбежал по лесенке, приставленной к стене штрека, и скрылся в темном зеве людского ходка.

— Как скворец в скворечнике исчез,— засмеялся Горишный,— лезем и мы за ним, благословясь.

Наконец и мы поднялись по ходку и очутились в низкой выработке, которая называлась вспомогательным, или транспортерным, штреком. Здесь был проложен движущийся конвейер, по нему текла черная река угля. Здесь можно было распрямиться в полный рост и передохнуть. На столбах крепи висели телефоны.

Лавы начиналась отсюда и шла вверх вдоль пласта. Комбайн, спущенный в нижнюю часть лавы, только еще «зарубывался» для очередной «полоски» угля. Конвейер тоже спешил, будто хотел поскорее сбросить с себя прежний груз и принять из-под комбайна новый поток угля.

Лавы была такой низкой, что влезать в нее пришлось на четвереньках. Здесь, в недрах земли, залегал наклонный пласт «Алмаз», известный высоким качеством угля и малой мощностью — всего семьдесят сантиметров. Даже плоский комбайн и тот почти заполнял собой пространство лавы и чуть не касался железной «спиной» нависшей кровли.

Рабочие первой смены — звено Саша Мосяженко — готовились начать рубку угля. По мерцающим, загадочным во тьме огонькам можно было разглядеть шахтеров, которые полулежа работали в лаве.

— Ну что там? Пошел, что ли? — слышался чей-то нетерпеливо-строгий голос.

— Давай,— отозвался другой, спокойный...

В тесной лаве загрохотало, загудело, запыхало, и я увидел, как быстро вращается шнек комбайна с зубками, расположенными по окружности вала винтообразно. Машина яростно грызла и перемалывала уголь, искры сверкали из-под зубков, и пыль поднялась такая, что не стало видно стоек крепления. От гула и рева машины, от ее работающих стальных мускулов дрожали недра. Я полулежал в двух метрах от комбайна, опершись на локоть одной руки и подняв другую, держась ею за стойку крепи, точно за свою спасительницу. Над головой нависала черно-блестящая каменная кровля. Сильным горным давлением металлические стойки вдавило в кровлю так, что головки скрылись в ней и стояли будто в каменных шапках, надвинутых на брови. А машина с оглушающим громом, пульсируя, ползла вверх и брызгала во все стороны угольной крошкой. Было весело и жутко смотреть на эту чудовищно трудную работу. И сами собой вспомнились прекрасные стихи незабвенного нашего Коли Анциферова, поэта из рабочей Макеевки:

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа.
Не найти работенки краше,
Не для каждого эта честь...
Это только в забое нашем:
Только лежа — ни встать, ни сесть.
На спине я лежу, как барин...

В работе шахтерской бригады чувствовался дружный, хорошо налаженный ритм. Сам бригадир ни минуты не сидел спокойно: он то подтаскивал поближе к забою крепежные стойки, то помогал очистить забитый углем механический грузчик.

Комбайн ушел по лаве вверх, и только мерцал далекий огонек на каске машиниста.

Анатолий спустился ко мне, вытер пот со лба и сказал весело:

— Выдали?... Теперь пойдет косить, только успевай принимать уголек.

— Какая трудная у вас лава,— с искренним сочувствием сказал я.

А он ответил просто, немного задумчиво:

— Не труднее, чем у других. А если труднее, тоже неплохо... Чем труднее нам, тем легче людям. Такая у нас философия...

Не прошло минуты, как снова заспешил бригадир: надо позвонить, чтобы под стволем не задерживали порожняк, нельзя допустить простоя в лаве. За смену бригада должна выдать 150 тонн угля, и его надо отправить на-гора, чтобы вторая смена могла дать столько же, а третья — завершить цикл. Лишь тогда сложится суточная добыча бригады: 500 тонн. Но как трудно добыть эти пятьсот тонн на таком

вот маломощном пласте, куда труднее, чем на мощных пластах, где добывают по тысяче тонн в смену. Здесь природа все устроила так, что вернуться негде.

...Плывет, плывет по конвейеру трудный уголек шахтерской бригады Толи Коваленко, бригады немногочисленной, но дружной, влюбленной в свой крепчайший алмазный пласт.

Значит, выполнил сын полка боевой наказ командира — жить, как воевал. Выполнял, ибо сегодняшний труд его немногим отличается от трех тревожных лет... На другой же день, в первую смену в лаве Анатолия Коваленко оборвалась глыба породы в добрую тонну и придавила руку помощнику и другу Богдану Гуцулюку. Анатолий с помощью шахтеров ломом приподнял тяжелый «корж» и освободил раненого. Он сам отвел Гуцулюка к стволу, а на поверхности на своем мотоцикле отвез раненого в больницу и, вернувшись, поспешил в шахту: план есть закон, и его надо выполнять.

Трижды в день навещали больного члены бригады, пока не дождались его выздоровления.

И труд, грозный, как бой, продолжался...

Встречай, хозяйка, гости пришли!

Дом Анатолия Коваленко по крышу утонул в деревьях сада. Тесный дворик, замощенный камнем, открыт степным ветрам и вся его земля, и сад, и постройки наклонно, как лава, сбегает от железнодорожной насыпи в балку. Там и течет заросшая вербами речка Камышеваха, именно та, вдоль которой проходила линия обороны и откуда началась фронтовая дорога шахтерского сына, сына полка Толи Коваленко. Все возвращается на круги своя...

В самомном домике по-домашнему уютно. Стоит под навесом мотоцикл с коляской. Ветерок поощет на веревке три цветастых платья: у Анатолия три дочки, три березки — отцовская гордость. Все они деловые, хлопочут по хозяйству, помогают матери.

Анатолий ведет гостей в сад и показывает яблоню, на которую своими руками привил грушу. И впрямь было чудо: ветка с грушами соседствовала с ветками яблок — трогательное родство! В огороде ботва помидоров уже упала, и прямо на земле лежали красные плоды, и они тоже казались особенными. Хозяин скор на выдумку, живет горячо, увлеченно. В двух комнатах на стенах множество фотографий — это тоже, как теперь модно выражаться, — «хобби» хозяина. Оказывается, Анатолий работал в заполярной шахте на острове Шпицберген. Там и научился фотографировать, отлично играть в шахматы и в довершение ко всему купил роскошный баян.

И вот уже за скромным семейным застольем, когда половина гостей расположилась на диване — не хватало стульев, — плавно растяну-

лись мехи баяна, и сам Анатолий хрипловатым голосом затянул песню:

...Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Первой подхватила песню Толина мама, Прасковья Семеновна, за ней жена Зинаида, а там и все мы.

И стало песне тесновато в маленьком домике — распахнули окна, и пахучий степной ветерок ворвался в комнату, парусом надувая занавески на окнах.

Постепенно за столом улегся шум, и все стали слушать исповедь матери. С гордостью и любовью глядя на сына, Прасковья Семеновна повела рассказ о своей нелегкой вдовой судьбе.

— Толик у меня заботливый. Перед войной мы жили в Золотом, я работала уборщицей в школе. Бывало, прибежит ко мне, все парты передвинет, чтобы легче мне убираться, потом бежит домой за детьми смотреть: у меня их было трое, кроме Толика... Когда началась война, ему исполнилось 11 лет. Немецкие снаряды рвутся в поселке, мы сидим в погребе на картошке, а Толик говорит: «Хотя бы мне выбраться из погреба, я бы всех немцев перебил...» А фронт приближался. Тогда-то мой Толя и ушел с войсками, а вернее сказать, убежал. Я плачу, криком кричу. А ко мне пришли военные и успокаивают: «Толик ваш жив, не плачьте, и мы вам поможем». Принесли мне сахару, консервов — накормила я детей. Тут и сам Толик явился, гляжу, стоит в военной форме и говорит: «Я вас, мама, защищать иду»... Ушел Толик. Живу в землянке. Детки пухнут с голоду. Поступила я опять в школу, учителя меня спасали. Вдруг получаю повестку. Я в слезы: «Ой, сыночку, убили тебя». А почтальон говорит: «Не плачьте, тетя, это повестка на посылку, сын вам с фронта шлет». Несу я посылку домой, иду через кладбище, остановилась возле могилки, открыла посылочку: «Ой, лышенько! Розовенькая материя и платочки... Я дочкам рубашонки пошила, а туфли, что сыночек мне прислал, променяла на картошку...» Потом Толик вернулся, слава богу. Привез мне проса и говорит: «Мама, вы посейте просо». Я посеяла, и получился у нас урожай. А Толик сам худой был, а все обо мне беспокоился: «Мамочка, вы полежите, а я за вас все дела зроблю...»

— Ну, хватит, мама вспоминать! — воскликнул весело Анатолий и, развернув мехи баяна, запел:

Ты теперь далеко, далеко,
Между нами снега и снега,

До тебя мне дойти не легко,
А до смерти четыре шага.

И снова песня завладела сердцами. Вспомнились сыну полка фронтовые дороги... А потом, когда уже совсем стало грустно, грянули веселую:

Кину кужіль на полицю
Сама піду на вулицю.
Нехай кужіль валяється
За мной хлопці ганяються...

И тут пришли друзья — шахтеры бригады и, размахивая телеграммой, объявили, что соседняя шахта приняла вызов на соревнование и выдвигает встречный план.

Значит, опять пойдет в разведку сын полка, верный сын Родины, и будет новый бой и новые трудовые победы!

СОДЕРЖАНИЕ

Песня о шахтерах	3
Звезды над Миусом	15
Это было в Краснодоне	26
Гвардии шахтер	37

Леонид Михайлович Жариков

ШАХТЕРСКИЕ ЗОРИ

Редактор **Е. Ф. Олейник.**

Технический редактор **Е. Н. Щукина.**

Сдано в набор 06.11.81. Подписано к печати
14.01.82. А 00304. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,96. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2856. Заказ № 1553. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ

● Безналичные расчеты за квартиру и коммунальные услуги экономят ваше время.

● Каждая семья ежемесячно обращается в сберегательную кассу, чтобы уплатить за квартиру, свет, газ, телефон, за детский сад и ясли, обучение детей в музыкальных школах и т. д.

● Однако для этого не обязательно каждый раз лично посещать сберегательную кассу. В целях экономии времени вы можете дать поручение сберегательной кассе, в которой состоите вкладчиком, о перечислении с вашего лицевого счета любых платежей в пользу учреждений, предприятий и организаций. Можно дать разовое поручение на перечисление платежей со вклада или же составить поручение на продолжительное время—квартал, год или впредь до его отмены.

● Необходимые бланки для оформления поручений о безналичных расчетах можно получить в любой сберегательной кассе.

● Безналичные расчеты через сберегательную кассу — наиболее удобная форма внесения платежей. Она обеспечивает своевременное внесение платежей и требует от плательщика гораздо меньших затрат времени, чем расчеты наличными деньгами.

**РОССИЙСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС СССР**